

А. ЛОЗОВСКИЙ

**ДЕСЯТЬ ЛЕТ
ПРОФИНТЕРНА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС
МОСКВА — 1930**

А. ЛОЗОВСКИЙ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПРОФИНТЕРНА

РАЗУМ И ТРУД

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС
МОСКВА — 1930

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
I. Кризис 1920 г и кризис 1930 г	3
II. Причины возникновения Профинтерна	4
III. Революционизирующее влияние Коминтерна	5
IV. Рождение Профинтерна	6
V. Собрание сил	9
VI. Борьба с анархо-синдикалистами	10
VII. Частичные требования и конечная цель	13
VIII. Организационные проблемы	14
IX. Опять Профинтерн и Коминтерн	16
X. Наступление капитала и единый пролетарский фронт	17
XI. От единого фронта к единству профдвижения	18
XII. Англо-русский комитет	20
XIII. Профинтерн и капиталистическая рационализация	21
XIV. IV Конгресс Профинтерна наметил переход от обороны к наступлению	22
XV. Профинтерн и рабочее движение колоний	24
XVI. Национально-расовая проблема	26
XVII. Виды амстердамцев на рабочее движение колоний	29
XVIII. Борьба за революционную линию	30
XIX. Соотношение сил Профинтерна и Амстердамского Интернационала	31
XX. Школа коммунизма и школа капитализма	33
XXI. Профинтерн и СССР	34
XXII. Борьба против империалистической войны	35
XXIII. Проблема кадров	37
XXIV. Массовая политическая забастовка и борьба за власть	37
XXV. Слабости и недостатки Профинтерна	38
XXVI. Борьба за большинство рабочего класса	39
XXVII. Будущее за Профинтерном	40

I. Кризис 1920 г. и кризис 1930 г.

Красный Интернационал Профсоюзов возник в разгаре острого послевоенного экономического и политического кризиса, охватившего важнейшие капиталистические государства Европы и приведшего к острым классовым боям в целом ряде стран. Десятилетие Красного Интернационала Профсоюзов совпадает с развитием нового экономического кризиса, который в отличие от кризиса 1920 г. охватывает значительно большее количество стран и выходит далеко за пределы Европы. Между этими двумя датами—серединой 1920 г. и серединой 1930 г.—лежит период огромнейших классовых столкновений, период, богатый всякого рода социальными конфликтами, целым рядом революций в колониальных и полуколониальных странах, период, насыщенный обостренной классовой борьбой. И первый вопрос, на который нужно ответить для того, чтобы дать правильную перспективу развития Профинтерна, это — вопрос о том, каково основное различие между кризисом 1920 г. и кризисом 1930 г.

Экономический и политический кризис 1920 г., вызванный войной, приведшей к общему кризису капитализма, по своей напряженности, по остроте классовых столкновений, по глубине и по напряженности классовых боев представлял собой нечто большее, чем то, что имеется сейчас. В тот период в ряде стран была революционная ситуация, между тем как современный экономический кризис к непосредственной революционной ситуации еще не привел, и напряженность классовых конфликтов еще не так остра, как 10 лет тому назад. Тогда была революционная ситуация, теперь — подъем революционного движения. Но по размаху движения, по объему положение сейчас более благоприятное с точки зрения развития революционного движения. Тогда перед нами был европейский революционный кризис, охватывавший по преимуществу страны центральной Европы. Сейчас перед нами экономический мировой кризис, кризис, захватывающий капиталистический и колониальный мир и все континенты. Тогда революционная волна прокатилась по центральной Европе. Сейчас революционный подъем захватывает весь капиталистический и колониальный мир. В тот момент, к которому относится возникновение Профинтерна, был еще слаб «субъективный фактор», т.-е. были еще слабы, были еще в зародышевом состоянии коммунистические партии и революционные профсоюзы, только недавно возник Коминтерн, только начал складываться Профинтерн, тогда как теперь,

Настоящая брошюра представляет собою инструктивный доклад профактиву, сделанный тов. Лозовским 21 апреля 1930 г. в Москве

за это десятилетие, мы имеем уже значительно оформившийся, выросший, сложившийся, идейно и организационно консолидировавшийся субъективный фактор во всех странах и рост коммунистических партий и революционных профсоюзов во всем мире.

Вот то, что отличает обстановку 1920 г., когда Профинтерн еще только возникал, от обстановки 1930 г., когда он подводит итоги своего десятилетнего существования.

II. Причины возникновения Профинтерна

Первой причиной, приведшей к возникновению Красного Интернационала Профсоюзов, был крах с первого дня войны социалистического и профсоюзного интернационалов и полное банкротство так называемого официального социализма. Военная идеология, военная политика социал-демократии и реформистских профсоюзов и т. д. — все это привело к разгрому довоенных интернационалов и к политической дифференциации в недрах рабочего класса. В старых социал-демократических партиях и в старых профсоюзах возникли небольшие ячейки и группы, занявшие антивоенную интернационалистскую позицию и выступавшие против классового сотрудничества, за продолжение классовой борьбы и во время войны. Эти группы, пользовавшиеся значительным влиянием, явились центрами притяжения интернационалистских настроений в рабочем классе. Все те силы, которые складывались в течение войны вокруг борьбы против империалистической войны, все те группы, которые оформлялись в период войны в борьбе против гражданского мира, за превращение войны империалистической в войну гражданскую, послужили основой для создания Коминтерна. Эти же группы, потом организации, партии, части профсоюзов и целые профсоюзы были инициаторами и организаторами Красного Интернационала Профсоюзов.

Другая причина возникновения Красного Интернационала Профсоюзов — победа Октябрьской революции в России и выход на историческую арену советского коммунистического профдвижения, рождение нового типа профсоюзов, принимавших активное участие в борьбе за власть, в борьбе против всего империалистического мира. Это не могло не послужить толчком к собиранию сначала идейно, а затем организационно всех сил подлинно-классового профдвижения вокруг революционной платформы и революционно-классовых требований.

Третья причина возникновения Профинтерна та, что профсоюзный интернационал, который стал восстанавливаться непосредственно после войны (июль 1919 г.) на конгрессе в Амстердаме и известный под именем Амстердамского Интернационала Профсоюзов, оказался сколком Лиги Наций, ее привеском и ее рабочим органом. Амстердамский Интернационал с самого начала представлял собой сумму национальных секций, из которых каждая заботилась об интересах своей буржуазии. Если в период войны классовое сотрудничество со своей национальной буржуазией оправдывалось необходимостью спасения отечества, то после войны отпала даже и эта отговорка. После войны

международная социал-демократия выступила уже с новыми теориями; она перестала прикрывать социалистической фразеологией классовое сотрудничество. Новый профсоюзный интернационал с самого начала был отделением Лиги Наций, и это не могло не отбросить от него значительные группы рабочих, которые, отталкиваясь от классового сотрудничества, должны были идти по линии классовой борьбы и ориентироваться на Москву.

Наконец, непосредственной причиной возникновения Красного Интернационала было создание в марте 1919 г. Коминтерна, объединение компартии и групп под знаменем большевизма. Необходимость создания также и профсоюзного центра для объединения всех революционных сил в недрах мирового профдвижения стала очевидной и насущной потребностью международного рабочего движения.

III. Революционизирующее влияние Коминтерна

Надо иметь в виду, что во время возникновения Коминтерна за пределами Советской республики и отделившихся от старой России стран (Польша, Латвия и т. д.) еще не было сколько-нибудь оформленных компартий. Самой крупной коммунистической организацией был «Spartakus Bund» — союз «Спартак» в Германии, но и эта организация, несмотря на всю свою революционность, самоотверженность, величайшую преданность делу рабочего класса, имела еще много слабостей и предрассудков, еще далеко не была большевистской организацией. В других же странах существовали только зародышевые организации, возникшие после Циммервальдской и Кинтальской конференций и после Октябрьской революции только начавшие более или менее оформляться. Большинство организаций, ориентировавшихся на Коминтерн, на Москву, на Октябрьскую революцию, выходили из недр старой социал-демократии, и поэтому возникновение Коминтерна в свою очередь являлось исходным моментом огромной политической дифференциации в массах. Впервые в международном масштабе была выработана большевистская программа, были разработаны принципы большевистской тактики для рабочего движения всех стран.

Возникновение Коминтерна стало возможным благодаря победе Октябрьской революции. Дифференциация в массах шла обычно под лозунгами: «За Коминтерн», «За Москву», «За Октябрьскую революцию» или «Против Коминтерна», «Против Октябрьской революции». В тот период, как и сейчас, Коминтерн и Октябрьская революция тесно переплетались между собой, и борьба в мировом рабочем движении за Коминтерн или против него (а в дальнейшем за Профинтерн или против него) обычно шла под знаком борьбы за или против диктатуры пролетариата, за или против Октябрьской революции. Таким образом возникновение Коминтерна ускорило оформление компартии, их идейное сплочение, консолидацию сил коммунизма. С другой стороны, создание Коминтерна выявляло все те элементы в недрах революционных организаций, которые, заимствуя коммунистическую, революционную фразеологию и называя себя даже «комму-

нистами», на деле вели антикоммунистическую линию. Период 1919—20 гг. тем и характерен, что многие, довольно значительные организации благодаря революционному брожению в массах и ненависти, которую возбудила к себе социал-демократия среди рабочих, поворачивались лицом к Москве, а руководители этих организаций, будучи сами противниками революционной программы и тактики Коминтерна, вынуждены были, в целях маневрирования и маскировки, вести переговоры с Коминтерном. Такими организациями были, например, Независимая социал-демократическая партия Германии, Независимая рабочая партия Англии и целый ряд других организаций, вынужденных под давлением своих членов вести переговоры с Коминтерном. Впоследствии ими была создана межеумочная организация, вошедшая в историю под названием «Двухполовинный Интернационал». Но тот факт, что крупные, явно социал-демократические лидеры, очень немногим отличавшиеся от официальных лидеров социал-демократии, вынуждены были на протяжении многих месяцев вести переговоры с Коминтерном, свидетельствует о степени накаленности революционной атмосферы и характеризует ту степень недовольства и те настроения, которые были в широких массах капиталистических стран того периода.

IV. Рождение Профинтерна

На этом общем фоне и начал складываться Профинтерн. Формальным поводом для возникновения Профинтерна послужили приезд в 1920 г. в Советский Союз нескольких рабочих делегаций и переговоры этих делегаций с советскими профсоюзами и с Коминтерном. В Советскую Россию приехали тогда делегации английских, итальянских, французских, югославских, болгарских и испанских профсоюзов. Это были первые делегации, которые после I Конгресса Коминтерна прорвали проволочные заграждения вокруг Советского Союза. Для того, чтобы понять, насколько в тот период была накалена почва, достаточно сказать, что среди этих делегатов, произносивших очень левые речи, были такие господа, как Д'Арагона, Персель и целый ряд других. Д'Арагона находится теперь в рядах фашизма, Персель — в рядах социал-фашизма, а все остальные — в рядах противников Профинтерна и Октябрьской революции. Но в тот период эти «левые» элементы, переезжая советскую границу, ощущали в своем сердце нечто в роде священного огня и, доезжая до Москвы, начинали произносить революционные речи. Правда, вместе с отъездом из Москвы в них потухал революционный огонь, и по мере удаления от советской территории к ним возвращался реформизм. Но во всяком случае в тот период было много бывших и будущих реформистов, которые готовы были подписать очень революционные декларации, давать всякого рода обещания, которые они, конечно, заведомо не выполнили.

Первое совещание, которое явилось, так сказать, «преддверием» организации Профинтерна, происходило 16 июня 1920 г. между советскими профсоюзами и представителями итальянских и английских профсоюзов. Это совещание подвергло обсуждению вопрос о том,

нужно ли создавать мировой центр профдвижения, и если нужно, то каким этот центр должен быть. Представители советских профсоюзов отстаивали ту точку зрения, что революционные профсоюзы должны объединиться и войти в III Интернационал в качестве секции. Против этого возражали Д'Арагона, Бианки, а также Персель и Роберт Вильямс, представлявшие тогда «левое крыло» английской делегации. После долгих прений Р. Вильямс (сейчас он является администратором «Дэйли Геральд») формулировал свое предложение, которое не только для того времени, но и для настоящего звучит довольно революционно, особенно, если принять во внимание эволюцию самого автора. Вот это предложение, внесенное в противовес нам, — предложение, за которое мы также голосовали:

«Настоящее неофициальное совещание революционных руководителей боевого профессионального движения Великобритании, России, Италии, признавая неспособность существующего международного объединения профсоюзов руководить классовой борьбой и низвергнуть международную буржуазию путем диктатуры пролетариата, настоящим постановляет созвать более полное и представительное совещание революционных работников союзов для учреждения истинного профессионального интернационала, свободного от какой бы то ни было связи с капиталистической Лигой Наций и от так называемых лидеров рабочего движения, действовавших в роли социал-патриотов и шовинистов в мировой войне и продолжающих вести ту же политику в настоящее время».

Мы голосовали за эту более умеренную формулировку, но оказалось, что мы, подписавшие формулу Роберта Вильямса, выполнили эту резолюцию с походом, тогда как Роберт Вильямс вместе с другими отрекся от своего предложения и находится сейчас по ту сторону баррикады.

Это совещание, однако, не привело непосредственно к организационным последствиям. Уже после этого совещания начались более длительные переговоры с итальянскими, испанскими, болгарскими, югославскими, французскими представителями профсоюзов и синдикалистских организаций, бывших в это время в Москве в связи со II Конгрессом Коминтерна. Переговоры эти зафиксированы в документах, и суть их можно свести к двум вопросам. Мы, представители советских профсоюзов, во время переговоров со всеми этими гостями натолкнулись на оппозицию справа и слева, если можно говорить о левизне анархистских элементов. С одной стороны, представители синдикалистских организаций никак не хотели признать принципа диктатуры пролетариата для нового интернационала и решительно возражали против какой бы то ни было связи между Профинтерном и Коминтерном, ибо они высказывались за независимость профсоюзов. Они признавали господство экономики над политикой, отрицали необходимость компартии для совершения социальной революции и утверждали, что профсоюзы сами сделают революцию и сами доведут ее до конца.

А с другой стороны, Д'Арагона и его единомышленники возражали против диктатуры пролетариата совсем по другим соображениям, чем анархо-синдикалисты. Последние, по крайней мере в принципе, высказывались за революцию, за низвержение буржуазии и прочее. Д'Арагона же пугался каких бы то ни было определенных формулировок. Он непрочь был бы подписать формулу относительно про па г а н д ы революционных методов действия, но никаких более определенно и более ясно формулированных предложений он подписывать не хотел. Наши совещания с итальянскими делегатами, которые представляли тогда большую организацию, имевшую больше двух миллионов членов и поэтому имевшую несомненно больший вес, чем представители мелких организаций, происходили на протяжении не менее 2 недель. Положение было тем более любопытное, что социалистическая партия, членами которой были Д'Арагона и К°, примыкала к Коминтерну. Правда, это было больше формальное присоединение, но тем не менее итальянская социалистическая партия была секцией Коминтерна. А члены партии, примыкавшей к Коминтерну, боялись подписать пункт, в котором говорится о диктатуре пролетариата! Когда переговоры зашли в тупик, то я заявил Д'Арагона, что если и дальше дело будет идти так, мы вынуждены будем выступить против него открыто и поставить перед итальянским пролетариатом вопрос ребром, что они, будучи членами секции Коминтерна, идут вразрез с элементарными принципами Коминтерна. Среднюю резолюцию, которая удовлетворяла бы всех, взялся написать Серрати, руководитель итальянской социалистической партии того времени. Он написал резолюцию, которая была лучше, чем та, которую предлагал Д'Арагона, но которая нас также целиком не удовлетворила. Мы уперлись в тупик.

Тогда я обратился к Ленину за советом: пойти ли на уступку в формулировках учредительного акта того центра, который мы создавали, или идти напролом, не уступая ни одной запятой. Ленин, прочитав документ, составленный Серрати и уже немного исправленный нами, сказал: «Да, тут действительно много неясного, но все-таки рвать из-за этого не следует. Вы подпишите, а ясность мы внесем после».

Совет был, несомненно, правильный. В дальнейшем мы действительно внесли ясность: без и против Д'Арагона. Если посмотреть теперь на подписанный нами учредительный акт, то в нем можно увидеть следы компромисса. Но тем не менее это было то, что нам нужно было. Мы добились того, что в этом основном учредительном акте о создании Международного совета революционных профсоюзов, пусть в недостаточно резкой форме, но было сказано о революционной классовой борьбе, о борьбе за диктатуру пролетариата, о борьбе против Амстердамского Интернационала и о создании международного центра профдвижения. А это было, конечно, самое главное. Опыт в дальнейшем показал, что в борьбе против всех враждебных тенденций направо и налево этот зародышевый орган Профинтерна, который носил тогда длинное название «Международного совета революционных профессиональных и производственных профсоюзов», выковывал свою

идеологию и формулировал свои принципы с максимальной ясностью и определенностью.

Во всяком случае уже тогда, при самом рождении Профинтерна, внутри него шла борьба вокруг принципа диктатуры пролетариата, взаимоотношения партии и профсоюзов, оценки старого, дореволюционного профдвижения и т. д. Наша линия подвергалась обстрелу с разных сторон и не по одинаковым мотивам, но все же 15 июля 1920 г. учредительный акт был подписан. Так родился на свет новый революционный профсоюзный центр, из которого вырос Профинтерн.

V. Собрание сил

Новому профсоюзному центру враги с самого начала отказали в признании. Международный совет революционных профсоюзов объявил о своем рождении в манифесте, который вместе с той декларацией, о которой речь шла выше, и является метрическим свидетельством Красного Интернационала Профсоюзов. Амстердамцы с высоты своего «величия» заявили, что этот Международный совет революционных профсоюзов вообще является фикцией и что серьезные люди не должны обращать внимания на этот, неизвестно кем созданный, неизвестно из кого состоящий и неизвестно зачем существующий Межсовпроф. Надо иметь в виду, что в момент возникновения Международного совета профсоюзов Амстердамский Интернационал насчитывал в своих рядах 24 миллиона членов и с высоты этой статистической башни он пытался третировать новую, молодую, но довольно подвижную организацию. Амстердамский Интернационал вел по отношению к Профинтерну и к советским профсоюзам ту же самую линию, какую империалистические державы вели по отношению к советскому правительству. Империалистические державы не признавали СССР (тогда РСФСР), а Амстердамский Интернационал «не признавал» нас. Но тем не менее Советский Союз не перестал существовать, точно так же, как не перестало существовать революционное профдвижение. Вы видите, что рождение было трудным, роды болезненными, но ребенок все же появился на свет, и уже с первого дня своего существования Международный совет профсоюзов повел решительную, энергичную борьбу за то, чтобы пробиться к широким массам.

Первый период существования Профинтерна был периодом бешеной агитации. В этот период, когда нужно было еще только довести до сведения широчайших масс о нашем существовании, выпячивая перед массами основные наши принципы: классовая борьба или классовое сотрудничество, диктатура пролетариата или диктатура буржуазии, интернационализм или социал-империализм, красная или белая Россия, Москва или Амстердам,—в этот период мы бомбардировали пламенными воззваниями весь мир. В отчете, составленном I Конгрессу Профинтерна, можно найти большое количество обращений, воззваний, манифестов, где мы разделяли со всей, так сказать, основательностью и горячностью Амстердамский Интернационал и его линию. Среди этих манифестов имеется много таких, которые подпи-

сывались Коминтерном и Профинтерном. Среди них имеется знаменитый манифест «Желтым от красных», подписанный также Лениным, манифест, с которым мы обратились ко II Конгрессу Амстердамского Интернационала, выявляя нашу позицию против линии амстердамцев.

Первый период в истории Профинтерна был периодом собирания сил. Самый факт возникновения нового интернационала взбудоражил значительные рабочие массы. Все революционные профорганизации разных идейно-политических окрасок потянулись к Москве: и Индустриальные рабочие мира Америки, и анархо-синдикалистские группы, и организации Франции, Германии, Испании, Италии, Голландии, и чисто анархические группы — все эти и другие революционные группировки в профдвижении начали завязывать с нами отношения, заявив о своем желании вступить в новый революционный Интернационал.

Но по мере того, как вокруг Профинтерна стали собираться разнообразные группировки, в недрах Красного Интернационала Профсоюзов начали выявляться идейные разногласия, начали выступать наружу те вопросы, вокруг которых потом на протяжении нескольких лет шла ожесточенная идейная борьба. В этом отношении особенно большой интерес представляет I Учредительный Конгресс Профинтерна. Конгресс был в высшей степени пестрым в идейно-политическом отношении. Собравшиеся вокруг Профинтерна разнообразные революционные организации вынуждены были на I Конгрессе выложить на стол свою платформу.

VI. Борьба с анархо-синдикалистами

I Конгресс был ареной ожесточенной идейной борьбы, главным образом, между анархо-синдикалистами и коммунистами. Правые элементы в лице представителей Итальянской конфедерации труда на этом конгрессе тоже были, но они серьезной роли не играли.

Итальянская конфедерация труда, являвшаяся правым крылом на I Конгрессе Профинтерна, занимала оборонительную позицию, в то время как анархо-синдикалисты, революционные синдикалисты, Индустриальные рабочие мира пытались пойти в наступление против всей нашей установки.

Учредительный конгресс должен был дать уже нечто большее, чем Международный совет профсоюзов. Тогда можно было ограничиться небольшой декларацией в десять пунктов, но на I Конгрессе нужно было выработать тактическую линию, дать установку в области организационных проблем, оформить в организационном отношении революционные профсоюзы и меньшинства, точно так же, как и их взаимоотношения с Коминтерном и компартиями. Когда мы приступили к идейно-политическому оформлению Профинтерна, к выработке тактической и организационной линии, тогда и произошли столкновения, которые были неизбежны при выкристаллизовывании нашей коммунистической профсоюзной политики, при формулировке наших коммунистических принципов в области профдвижения.

Резолюции I Конгресса представляют собой еще и сейчас большой интерес. Что стояло в центре идейной борьбы во время I Конгресса? Вопрос о взаимоотношениях Коминтерна и Профинтерна. Это означает, что борьба шла вокруг проблем: партия и профсоюзы, экономика и политика, т.-е. вокруг всех тех вопросов, которые всегда разделяли синдикалистов и коммунистов. Эти вопросы нужно было на I Конгрессе поставить с величайшей ясностью, ибо речь шла не о тех синдикалистах, которые присутствовали на конгрессе, а о тех рабочих, которые за этими синдикалистами еще шли, которые потянулись к Москве как к революционному центру. Представители французских профсоюзов, синдикалисты и юнионисты Германии, Индустриальные рабочие мира Соединенных Штатов и Канады — все единым фронтом выступали против нашей установки о взаимоотношениях Коминтерна и Профинтерна. Предлогом для этого послужило то, что мы в наши статуы ввели параграф о взаимном представительстве в исполкомах Коминтерна и Профинтерна. Это был центральный пункт, против которого был направлен удар со стороны всех синдикалистов, которые заявляли, что они ни в коем случае не могут допустить «подчинения профессиональных союзов компартии». В целом ряде выступлений французов, испанцев и т. д. мы столкнулись с синдикализмом в его чистом виде.

Теория синдикализма, как вы знаете, заключается в том, что коммунистическая партия, как и вообще всякая политическая партия, есть нечто стоящее вне рабочего класса, и поэтому компартия не может и не должна претендовать на руководство. На все наши указания, что революционная партия является руководителем рабочего класса, что только она может возглавить движение рабочих масс в борьбе против капитализма и что без установления диктатуры пролетариата победа невозможна, они твердили, что «не партия, а профсоюзы ведут классовую борьбу и доведут ее до конца, что никакой диктатуры пролетариата вообще не нужно, потому что диктатура и всякое государство есть зло».

Приведу цитату из выступления делегата Сиroleя, который тогда наиболее ярко выразил точку зрения синдикалистов на I Конгрессе. Правда, этот оратор теперь уже в лагере реформистов, но этому не приходится удивляться. Таких перебежчиков от синдикализма к реформизму очень много. Тем не менее то, что он тогда сказал, характеризует определенный строй мыслей французских синдикалистов и синдикалистов других стран. Вот что говорил Сиroleя, представитель французских железнодорожников, на I Конгрессе Профинтерна:

«Мы, представители французского синдикального движения, расцениваем современную конъюнктуру в том смысле, что наша система синдикатов по своим организационным формам, по своему административному аппарату, в силу своего построения по территориальному признаку может хоть завтра через посредство своих производственных федераций и местных союзов установить в нашей стране пролетарский режим, при кото-

ром синдикальная организация станет распорядительницей ее судеб, сможет закрепить свою победу и найдет в своих собственных недрах все те силы, физические и моральные, которые обеспечат ей возможность дальнейшего развития».

Таким образом профсоюз руководит революцией, доводит дело до победы, потом становится во главе производства и распределения. Для партии, советской власти и для пролетарского государства, как вы видите, места не остается.

Я мог бы привести целый ряд цитат из речей других делегатов, но синдикалистская суть выражена здесь исчерпывающе. Приведу еще несколько строчек из речи того же оратора, которые дают окончательное представление об установке синдикалистов по отношению к Коминтерну:

«Необходимость нашей независимости от Коминтерна исходит из гораздо более высоких мотивов, чем те, которые нам приписывают. Мы находим, что революция, интересы революции гораздо выше интересов партии. И развитие мировой революции не должно подчиняться интересам одной партии, а должно быть вверено революционерам всего мира».

Это, товарищи, очень неопределенно и очень слабо, но это и есть чистый синдикализм, который «сам себе довлеет». Синдикализм никогда не страдал излишней определенностью и излишней ясностью.

Вопрос о взаимоотношениях Коминтерна и Профинтерна стоял в центре внимания I Конгресса и наложил на него определенную печать. Целый ряд делегаций (синдикалисты) голосовали против тех пунктов наших резолюций, где мы говорили о диктатуре пролетариата и о взаимоотношениях с Коминтерном и коммунистическими партиями. Именно потому, что борьба сконцентрировалась вокруг этого вопроса, вся сумма тактических проблем, поставленная на этом конгрессе, не подверглась достаточно всестороннему обсуждению. А между тем на учредительном конгрессе пришлось поставить все основные проблемы международного революционного профдвижения: профсоюзы до, во время и после войны, нейтрализм, независимость и социализм, работа в старых профсоюзах, проблема фабзавкомов и рабочего контроля, производственные профсоюзы, международные комитеты пропаганды, условия приема в Красный Интернационал Профсоюзов, методы и способы борьбы, о вовлечении женщин и молодежи в профсоюзы, наша тактика по отношению к рабочему движению в колониальных и восточных странах, программа действий и т. д. Этот перечень вопросов свидетельствует о том, что I Конгресс действительно заложил основы революционного Интернационала профсоюзов, дав международному революционному профдвижению четкую программу и тактику.

I Конгресс не только формально, но и с точки зрения идейно-политической был учредительным. В своей резолюции о тактике, в резолюции по организационному вопросу была определена та линия, которую мы продолжаем и теперь, к десятилетию Профинтерна. Поли-

тическое содержание I Конгресса заключалось в том, что он выступил со всей решительностью против классового сотрудничества, против реформизма, а с другой стороны противопоставил синдикалистской фразеологии определенную коммунистическую политику в профдвижении. Поэтому конгресс выработал подробную резолюцию не только по вопросам тактики, но также и в вопросах организационных, ибо организационная проблема, как вы знаете, является для синдикализма, поскольку он делает ставку на стихийность, а не на организованность, наиболее трудно разрешимой проблемой.

VII. Частичные требования и конечная цель

Для того чтобы видеть, насколько актуальны решения I Конгресса, достаточно ознакомиться хотя бы с тем, как разрешаются в резолюциях конгресса такие вопросы, как, например, вопрос о взаимоотношениях между частичными требованиями и конечной целью или вопрос о том, что такое организационная проблема. Мы поставили на I Конгрессе вопрос о частичных требованиях и конечной цели потому, что не только анархо-синдикалисты, но и некоторые коммунисты считали, что в обстановке обостренной классовой борьбы проблема частичных требований вообще отпадает, что нужно бороться только за конечные цели. Этот вопрос необходимо было поставить со всей ясностью и определенностью. В резолюции I Конгресса, в главе «О методах и способах борьбы» мы читаем:

«Работу надо вести на почве данных глубоко волнующих массы конфликтов. Презрительное и высокомерное отношение к повседневной борьбе, к материальным интересам членов союза может привести к отрыву от масс, к пропасти между авангардом и густыми колоннами пролетарской армии. Поэтому четкость в повседневной борьбе, умение использовать ее под углом зрения конечной цели, связывая ее с общеклассовой борьбой за пролетарскую диктатуру, является важнейшим вопросом профсоюзной тактики».

К этому вопросу Профинтерн не раз возвращался, особенно в период острой борьбы с анархо-синдикалистами, которые никогда не понимали соотношения между частичными требованиями и конечной целью. Основная задача заключалась в том, чтобы повернуть все революционные профорганизации к непосредственным нуждам масс. Именно поэтому приходилось вновь и вновь выдвигать элементарные на первый взгляд положения. Так II Конгресс Профинтерна в резолюции об организационных задачах посвятил целый раздел вопросу о частичных требованиях и конечной цели. Вот что сказано в решениях II Конгресса Профинтерна:

«Выработка программы действий для каждой страны и для каждого производства должна быть важнейшей задачей сторонников Профинтерна. Надо вести самую решительную борьбу против попытки представить борьбу за частичные требования

как отступление от революционных принципов. Революционность заключается не в повторении революционных слов, а в революционных методах проведения намеченной программы. Одни и те же частичные требования реформистские и революционные союзы будут проводить по-разному. Для реформистских союзов частичные требования — все, тогда как для революционных союзов это — только средство сплочения и организация масс для дальнейшей борьбы. Борьба за частичные требования не отдаляет нас от поставленной цели, а приближает к ней. Нужно бороться с анархическим предрассудком, что борьба за частичные требования ниже нашего революционного достоинства. Это — вредный вербализм, который мешает организации масс и подготовке революционных действий.

Задача сторонников Профинтерна заключается в том, чтобы всю работу за частичные требования вести под углом зрения конечных целей. Противоречие между частичными требованиями и конечной целью возникает тогда, когда мы отрываем одно от другого: отвлеченная пропаганда конечной цели может ослабить профорганизацию, охватывающие рабочих всех направлений. Наоборот, практические действия наших организаций, конкретная программа, систематическая и упорная борьба за повседневные интересы рабочих притянет в наши ряды все новые и новые слои, которые, пройдя школу элементарной классовой борьбы, поднимутся до коммунистического сознания».

Здесь вопрос поставлен с заслуживающей внимания ясностью, и эта принципиальная установка не потеряла до сих пор и не потеряет на ближайшее время своей актуальности. Все, что последующие конгрессы решали по этому вопросу, было развитием установленной I и II Конгрессами линии.

VIII. Организационные проблемы

Такая постановка вопроса о частичных требованиях должна была быть дополнена правильной формулировкой организационных задач революционного профдвижения, ибо организационные проблемы упираются, как известно, в политику. Дело шло о новых методах борьбы в период большого революционного подъема. Из резолюции I Конгресса я обращаю ваше внимание на следующие актуальные еще и сегодня формулировки.

«Нужны новые методы экономической борьбы, вызываемые периодом разложения капитализма. Нужна агрессивная экономическая политика со стороны профсоюзов для того, чтобы не только отбить наступление капитала, но и перейти в наступление».

Можно сказать, не рискуя ошибиться, что этот абзац соответствует самым последним решениям Коминтерна и Профинтерна. Или, например, следующее место из той же резолюции:

«Вся суть организационного вопроса сводится к тому, чтобы создать гибкую, подвижную, крепкую, спаянную с массами организацию, которая бы при всех условиях, при удаче или неудаче в борьбе, пользовалась неоспоримым авторитетом среди широких масс».

Эта часть резолюции звучит более чем современно и еще долго будет сохранять свою актуальность. И наконец еще следующее место:

«Практика борьбы — лучшая школа солидарности, выдержки и дисциплины. Та организационная работа хороша, которая неразрывными нитями свяжет рядового члена со своей организацией, которая воспитает кадры самостоятельных борцов, которая приспособляет свои организационные формы к требованиям социальной борьбы и степени организации враждебного класса и учит широкие рабочие массы смотреть на организацию не как на цель, а как на средство к цели».

Важнейшей частью организационного вопроса являются методы и способы завоевания масс. Здесь смыкается работа с нашей политикой и тактикой. Что же по этому вопросу сказал Профинтерн? Я вновь обращаюсь к учредительному конгрессу, решения которого до сих пор не устарели. Вот что мы находим в этих решениях:

«Основой для расширения нашего влияния должна служить экономическая борьба. Вопросы заработной платы, тарифа, обеспечения жертв войны, социальное страхование, безработица, работа женщин и детей, санитарные условия в предприятиях, дороговизна, жилищный вопрос и т. д., налоговая политика, мобилизация, колониальные авантюры, финансовые комбинации — все это должно служить повседневным материалом для организации и боевого социалистического воспитания. Сторонники Красного Интернационала Профсоюзов не должны ни в коем случае оставаться вне рамок организаций и действовать извне на рабочих. Задача заключается в том, чтобы действовать упорно и систематически изнутри профсоюзов, давая широкой рабочей массе практические уроки революционности, самоотверженности и коммунизма.

Завоевать массы, а столо-быть и профсоюзы мы сумеем при том условии, что и в борьбе и в сопротивлении мы будем во главе, в первых рядах рабочих масс. Это, однако, ни в коем случае не значит, что нужно всегда призывать к наступлению, исходя из той точки зрения, что наступление при всяких условиях и при всяких обстоятельствах — благо. Сторонник Красного Интернационала Профсоюзов должен быть не только образцом революционности, но и образцом выдержки и хладнокровия. Вся суть успеха заключается в систематической, планомерной и упорной подготовке каждого действия, каждого выступления. Быстрота и непримиримость действия должны

сочетаться с крайне детальным изучением обстановки и обстоятельств, а равно и степени организованности враждебных сил. В борьбе классов, как в боях на фронте, нужно уметь не только наступать, но и в порядке, сплоченно отступать. В нападении и обороне нужно всегда иметь в виду одно: иметь за собой сочувствие широких пролетарских масс и учитывать всю социально-политическую обстановку, в которой протекает борьба.

После I Конгресса Профинтерн на своих последующих конгрессах и пленумах неоднократно формулировал организационные и тактические задачи по завоеванию масс. Есть целый ряд решений, касающихся тактики в отдельных странах, но все резолюции Профинтерна, оставленные на основе международного опыта, идут в направлении, указанном I Конгрессом. Это лучше всего характеризует единство линии Профинтерна на протяжении всех десяти лет его существования.

Мне кажется, что эти несколько выдержек заслуживают внимания не только с точки зрения исторической. В современной обстановке мы также ничего большего не могли бы сказать, если бы захотели сформулировать, что мы разумеем под организационными проблемами и как мы понимаем общую перестройку и основные задачи наших профессиональных союзов.

IX. Опять Профинтерн и Коминтерн

I Конгресс не привел к единогласному решению вопроса о взаимоотношениях Коминтерна и Профинтерна. Период от I до II Конгресса наполнен обостренной борьбой во всем мире вокруг решений, принятых конгрессом по этому вопросу. Анархо-синдикалисты попытались объединить свои силы путем создания своего интернационала для того, чтобы выступить единым фронтом против нас. И когда в 1922 г. собрался II Конгресс Профинтерна, то нам опять пришлось заняться вопросом о Коминтерне и Профинтерне.

Этот вопрос стал особенно резко потому, что к этому времени во Франции оформилась Унитарная конфедерация профсоюзов. Большинство руководящих революционных профработников Франции, сочувствуя Октябрьской революции и советскому профдвижению, тем не менее не хотели признать решений, вынесенных нами по вопросу о взаимоотношениях Коминтерна и Профинтерна. Поэтому на II Конгрессе мы должны были снова серьезно заняться как будто бы уже разрешенным вопросом. Представители французских унитарных профсоюзов ставили условием своего присоединения к Профинтерну отмену 11 параграфа устава, который устанавливает отношения между Коминтерном и Профинтерном через взаимное представительство в исполкомах. Пойти на предложение французских синдикалистов по этому вопросу означало бы сделать очень серьезную уступку, потому что мы настаивали на необходимости взаимного представительства из

принципиальных соображений. С другой стороны, перед нами был тот важный факт, что французское революционное профдвижение к нам идет, и вопрос заключался в том, можно или нельзя сделать такую уступку революционным рабочим, которые еще не досрости до коммунистической точки зрения. По этому поводу я обратился к Ленину. Он задал мне единственный вопрос: «Идут ли эти профсоюзы к нам или они от нас уходят, развиваются ли они в направлении сближения с нами или нет». На мой ответ, что они идут к нам, Ленин сказал: «Можно и нужно уступить. Если бы эти требования были выставлены как предлог для отхода от нас, тогда, конечно, не имело бы никакого политического смысла делать такую серьезную уступку. Но если мы имеем перед собой революционное рабочее движение, хотя и проникнутое еще синдикалистскими традициями, но которое идет к нам, то нужно сделать эту уступку для того, чтобы оно ближе к нам подошло и чтобы в дальнейшем возможно было оказать на профдвижение Франции такое воздействие, чтобы оно эти предрассудки изжило».

Мы послушались совета Ильича и сделали французским синдикалистам уступку на II Конгрессе Профинтерна, сняв из устава параграф, который их так беспокоил. После проведенной идейной борьбы, после выяснения наших позиций мы заявили, что мы уступаем только для того, чтобы установить единый фронт с революционными рабочими Франции и других стран. Оправдала ли себя эта политика на протяжении всех лет? Целиком и полностью. Предрассудки во французском революционном профдвижении постепенно изживались, и революционные рабочие Франции все ближе подходили к нам. Сейчас они в своем подавляющем большинстве проводят линию Профинтерна и Коминтерна, и унитарные профсоюзы являются одним из сильнейших отрядов Профинтерна.

Х. Наступление капитала и единый пролетарский фронт

В центре внимания II Конгресса стояла тактика единого фронта, выдвинутая Коминтерном и Профинтерном в связи с изменившейся обстановкой и изменившимся соотношением классовых сил. Уже в середине 1920 г. начался отлив революционной волны. В 1921—22 г. началось значительное наступление капитала на рабочие массы. Тогда Коминтерн и Профинтерн выдвинули лозунг единого фронта между рабочими разных направлений для совместной борьбы против наступающего капитала. И естественно, что на II Конгрессе, происходившем в 1922 г., в центре внимания стал вопрос о едином фронте, о формах создания этого единого фронта, о методах его проведения и о том, какой должен быть единый фронт,—единый фронт снизу, единый фронт сверху, и целый ряд вопросов, которые возникли в процессе применения тактики единого фронта. Единый фронт, это — тактика обоюдоострая. Совместные выступления с реформистскими организациями таят в себе и опасность для революционных организаций. Мы видели на протяжении этих долгих лет, как ломали себе шею

(в смысле политическом) очень многие коммунисты на едином фронте. У некоторых сторонников Профинтерна получался не единый фронт рабочих разных направлений для совместного выступления против капитала, а попытка найти какую-то среднюю линию между коммунизмом и реформизмом. Как вы увидите в дальнейшем, это нашло себе отражение в связи с Англо-русским комитетом единства даже в головах некоторых русских профессионалистов, более стойких по сравнению с членами других коммунистических партий. Поэтому вопросы о формах и характере единого фронта, его пределов, методов его создания были в высшей степени важны, ибо при помощи тактики единого фронта мы подняли значительные слои рабочих, членов реформистских организаций. Но для того, чтобы поднять реформистских рабочих на борьбу, для того, чтобы вовлечь их в единый фронт с нами, надо, чтобы у нас самих не было колебаний по этому вопросу. И там, где революционные профорганизации колебались в вопросе о едином фронте, там они вязли в болоте оппортунизма, и их приходилось силой, за волосы вытаскивать из этого болота. Поэтому вопросы единого фронта занимали очень большое место на всех конгрессах Коминтерна и Профинтерна.

На протяжении всех лет, начиная с 1921 г. и до настоящего времени, вокруг вопросов единого фронта, его форм и методов применения происходит отпочкование от большевистской линии и выявляется значительное количество уклонов, значительное количество оппортунистических вывихов.

II Конгресс впервые занялся этим вопросом. Он наметил формы и методы борьбы в этой области и линию наступления против реформистов на базисе единого фронта. Правда, в этот период мы выдвигали идею единого фронта не только снизу, но и сверху, т.е. допускали возможность переговоров с верхушкой реформистских союзов, верхушками социал-демократических партий для того, чтобы на основе выдвинутых нами требований поднять массы против своих вождей. Надо сказать, что большинство из имевших место переговоров закончились, как говорят французы, в виде «рыбьего хвоста», т.е. они ничем не кончились, и только в той мере, в какой компартия и революционные профсоюзы умели поднять массы вокруг единого фронта, умели разъяснять, что такое единый фронт, зачем он, на какой основе он должен быть, в той мере он приносил пользу в том или ином выступлении в той или иной стране.

XI. От единого фронта к единству профдвижения

Наступление капитала приняло такой характер и такие размеры, что в 1924 г. во время III Конгресса Профинтерна наступление капитала еще развертывалось по всей линии, несмотря на то, что в отдельных странах были уже довольно значительные бои и довольно обостренные классовые столкновения. К этому времени относится также и начало перенесения американских форм и методов организации труда в Европу. Капиталистическая рационализация всей своей

тяжестью начала давить на рабочие массы, и поэтому еще повелительнее стал вопрос о единстве действий рабочих всех направлений. III Конгресс сделал дальнейшие шаги. Лозунг единого фронта, т.-е. лозунг о совместных выступлениях был дополнен лозунгом единства профдвижения, т.-е. лозунгом борьбы за единое профдвижение в каждой стране, борьбы за единый интернационал. Вокруг этого вопроса в концентрировалось внимание III Конгресса, вокруг этого вопроса на III Конгрессе и происходили разногласия.

Возможно ли единство профдвижения? На какой основе мы себе можем единство между Профинтерном и Амстердамским Интернационалом? Амстердамский Интернационал, обращаясь ко всем профсоюзам, но главным образом к профсоюзам СССР, говорил: «Двери открыты, входите». Мы же выдвигали лозунг созыва мирового конгресса профсоюзов на основе пропорционального представительства для создания на таком конгрессе единого интернационала. Вся борьба между Профинтерном и Амстердамом в период 1924—1927 гг. происходила вокруг проблемы единства. Второй и Амстердамский Интернационалы повели бешеную борьбу против этого лозунга, усматривая в лозунге единства подвох мировому реформизму. Они выступали, конечно, не против единства вообще, а против того, что Профинтерн выдвигал единство для борьбы с буржуазией. Для реформистов, шедших единым фронтом с буржуазией, вопрос стоял так: или с буржуазией или с революционным пролетариатом. Они, конечно, предпочитали единство действий с буржуазией единому фронту с Профинтерном, и отсюда — бешеная кампания против наших лозунгов.

Несмотря на противодействие всей профбюрократии, тяга масс к единому фронту и единству была настолько велика, что по этому вопросу начались колебания в недрах самого Амстердамского Интернационала. Это нашло свое выражение в Международной федерации транспортников, которая попыталась заключить соглашение в 1923 г. о совместных выступлениях с советскими союзами транспортников, в ряде аналогичных фактов в других производствах. Но когда амстердамские бюрократы, припертые к стене, приступали к переговорам, то всю свою изворотливость они направляли на то, чтобы сделать невозможным совместные выступления или оторвать революционные профсоюзы от Профинтерна.

С другой стороны, лозунг единого фронта и единства был во многих партиях и революционных профсоюзах истолкован оппортунистически. Единый фронт во что бы то ни стало, единство какой угодно ценой, все для единства вплоть до отказа от наших принципов — вот с какими настроениями приходилось Профинтерну бороться на протяжении нескольких лет. Несмотря на то, что Коминтерн и Профинтерн сотни раз подчеркивали в резолюциях, что единство — не цель, а средство к цели, эти правые взгляды продолжали упорно держаться в головах многих и многих коммунистов. С другой стороны, были товарищи, которые, по принципиальным соображениям считали единый фронт неприемлемым. Таким образом Профинтерну приходилось все время вести борьбу не только против реформистов,

но и против части своих сторонников за правильное применение лозунга единства, за революционное использование этого лозунга в целях отрыва масс от Амстердама.

ХII. Англо-русский комитет

III Конгресс, с его лозунгом единства профдвижения, послужил исходным пунктом для создания некоторых комитетов единства, среди которых наиболее крупным был Англо-русский комитет единства, кратковременное существование которого закончилось разрывом и выступлением английских тред-юнионистов против советских профсоюзов и против Октябрьской революции. В чем была суть Англо-русского комитета единства? Мы сделали попытки столкнуться с «левыми» амстердамцами по трем вопросам: о единстве профдвижения, о борьбе против войны и борьбе против наступления капитала. Левизну левых амстердамцев нужно понимать в высшей степени условно. Советские профсоюзы пробовали создать с ними единый фронт, но руководители английских тред-юнионов непрочь были подписать левую декларацию, заранее решив для себя ничего не делать для выполнения принятых обязательств. Что заставило английских тред-юнионистов пойти на соглашение на единый фронт с советскими союзами? Прежде всего государственные соображения: желание через советские союзы обеспечить заказы для английской промышленности. Из этого исходили обычно все Персели, Хиксы, Тиллеты и Тернеры в своей аргументации за единый фронт с советскими союзами. Этими своими действиями они шли навстречу настроениям широких масс в пользу СССР. С другой стороны, английские генсоветчики в борьбе за влияние в Амстердамском Интернационале думали опереться на советские профсоюзы. Кроме того, видя полевение масс, генсоветчики считали необходимым для сохранения своего влияния вооружиться левыми фразами и прикрыться единым фронтом с советскими профсоюзами.

А что заставило советские профсоюзы пойти на единый фронт, на соглашение с левыми амстердамцами? Прежде всего и больше всего желание доказать массам, что они не на словах, а на деле за единый фронт и что они готовы вступить в соглашение с любой рабочей организацией для совместных действий против реакции, войны и наступления капитала. Кратковременный опыт единого фронта с левыми амстердамцами показал, что эти последние не хотят пальцем о палец ударить, чтобы проводить совместно принятые решения. Более того, как только эти господа «левые» оказались вынужденными занять определенную позицию в борьбе классов в самой Англии (стачка горняков, всеобщая стачка и т. д.), они оказались во главе реакционного похода профбюрократии против интересов рабочего класса. Таким образом жизнь внесла свои поправки в договоры с левыми амстердамцами. Эти господа понимали Англо-русский комитет как договор о взаимном ненападении коммунистов и реформистов, в чем им пришлось разочароваться, как только выявилась их штрейкбрехерская роль. Правда, и среди советских профсоюзов были люди, которые по-

лагали, что наличие соглашения с ними обязывает нас к воздержанию от сурового осуждения этих штрейкбрехеров, но эти настроения не нашли своего отражения в выступлениях ВЦСПС, как не нашли своего отражения предложения о немедленном разрыве.

Англо-русский комитет единства нужно рассматривать как двустороннее маневрирование. Некоторые товарищи по простоте душевной думали, что только мы маневрировали и что английские левые являются только объектом, а на самом деле маневрировали и англичане и не так уже плохо. Мы маневрировали в том смысле, чтобы доказать массам, что мы за единый фронт на деле и чтобы на основе единого фронта увеличить внутренние трения в рядах Амстердамского Интернационала; а они маневрировали, чтобы втянуть советские профсоюзы в Амстердамский Интернационал и прикрывать левыми фразами свои правые дела. После разрыва Англо-русского комитета в руководящем ядре Амстердамского Интернационала произошла консолидация, блудные сыны перестали даже «левить» и на словах.

Помимо Англо-русского комитета возник и затем распался Советско-скандинавский комитет единства и ряд комитетов, созданных советскими союзами и отдельными союзами Норвегии, Швеции, Финляндии и пр. Небольшое количество комитетов единства сохранилось до настоящего времени, ибо обостренная борьба между коммунистами и реформистами, между Амстердамом и Профинтерном поставила вопрос ребром, и уже все левые элементы разорвали свои договоры с советскими профсоюзами и вернулись в лоно Амстердама.

ХIII. Профинтерн и капиталистическая рационализация

Период между III и IV Конгрессами характеризуется не только непосредственным наступлением капитала на жизненный уровень рабочих, но и производственно-техническим наступлением, т.-е. бешеным проведением капиталистической рационализации, которая проходила за счет рабочего класса, за счет жизненного уровня рабочих масс и которая не могла не привести к огромным изменениям как в структуре рабочего класса, так и в методах борьбы международного пролетариата.

С 1924 г. (после поражения революции 1923 г. в Германии) начинается быстрое проведение капиталистической рационализации в Европе. Капиталистическая рационализация привела к упрощению производственного механизма, к вовлечению в процесс производства огромного количества неквалифицированной и полуквалифицированной силы, к вытеснению из производства части квалифицированных рабочих, к созданию новой перманентной армии безработных, т.-е. к так называемой структурной безработице. Главное, что капиталистическая рационализация привела к снижению жизненного уровня масс. Огромное давление массовой безработицы на рынок труда и приход в производство новой неквалифицированной рабочей силы, которая, конечно, довольствовалась более низким жизненным уровнем, чем старые рабочие, создали обстановку, которая облегчила экономическое и политическое наступ-

пление на рабочий класс. А поскольку огромный пресс капиталистической рационализации давил на массы, понижал их жизненный уровень, приводил к отнятию социальных завоеваний и пр., постольку происходила внутренняя перегруппировка в недрах рабочего класса и создавались предпосылки для новой волны рабочего движения уже на основе капиталистической рационализации и в качестве протеста против этого огромного нажима капиталистического прессы, который с особенной силой и с особенной решительностью проводился с конца 1924 г. В этой обстановке важно было определить нашу линию, дать основной лозунг. Какой?—Долой п о с л е д с т в и я капиталистической рационализации!—предлагали некоторые товарищи. Долой капиталистическую рационализацию!—сказали Коминтерн и Профинтерн, исходя из того, что мы должны бороться не только против последствий, но против самой капиталистической рационализации. Но это отрицательный лозунг. В качестве положительного лозунга был выдвинут 7-часовой рабочий день, лозунг, который теперь стал самым популярным в массах. Под этими лозунгами проходит борьба всего международного революционного профдвижения против капиталистической рационализации и противопоставление линии Профинтерна линии амстердамцев, выступающих в качестве застрельщиков, активных участников и проводников капиталистической рационализации.

XIV. IV Конгресс Профинтерна наметил переход от обороны к наступлению

После ряда поражений, после проведения капиталистической рационализации, отнятия у рабочих целого ряда социальных завоеваний, внутри рабочего движения начинают складываться и оформляться серьезные настроения к отпору, замечается поворот в сторону сторонников Профинтерна и готовность масс к борьбе. Это происходит одновременно со значительными успехами в экономике Советского Союза, с началом вступления СССР в реконструктивный период, и примерно к марту 1928 г. мировое рабочее движение начинает, правда, медленно, но выходить из стадии отступления, и на отдельных участках фронта начинается контрнаступление рабочего класса.

IV Конгресс Профинтерна (март 1928 г.) совпал таким образом с началом подъема рабочего движения, с началом контрнаступления рабочего класса. Конгресс стоял у грани подъема. Он мог констатировать первые признаки, начальные явления подъема, и перед ним стал вопрос, как быть, на что направить внимание масс, на чем концентрировать внимание миллионов, что сделать центральным пунктом в тактике Профинтерна на ближайший период. IV Конгресс происходил тогда, когда уже выявились тяжкие последствия капиталистической рационализации, когда массы почувствовали на своей спине снижение жизненного уровня рабочего класса. Отсюда первые попытки борьбы и сопротивление на экономической почве нажиму капиталистической рационализации. Было совершенно естественно поэтому поставить во главу угла организацию масс на основе экономической борьбы, задачу воз-

главления экономических боев и самостоятельного руководства ими через специальные органы (стачечные комитеты, комитеты борьбы и т. д.). Так на грани подъема IV Конгресс Профинтерна поставил перед широчайшими массами проблемы стачечной стратегии и стачечной тактики, проблемы самостоятельного руководства экономическими боями,—проблемы, которые сейчас стали общепризнанными, которые вошли в плоть и кровь наших компартий и революционных профсоюзов, которые конкретно и практически разрешаются в отдельных странах в зависимости от обстановки, условий и хода классовой борьбы. Надо сказать, что постановка этого вопроса поворачивала все наши организации и все компартии лицом к непосредственному руководству массовым экономическим движением и шла в разрез с некоторыми довольно плохими традициями.

Как обстояло дело до IV Конгресса? Профоппозиция, возглавляемая коммунистами, занималась пропагандой и агитацией, оставляя реформистам полную свободу заниматься вопросами заработной платы, тарифом, условиями труда и пр. Сложилась даже целая теория о том, что наша задача—толкать профбюрократов на борьбу, как-будто социал-фашисты могут руководить борьбой рабочих масс. «Заставьте профбюрократов руководить движением», «Реформистское руководство должно сделать то-то и то-то...» стали ходкими формулами оппортунистов в наших рядах. Эти надежды на реформистский профаппарат, тактика отказа от самостоятельных действий во имя каких-то мифических прерогатив профсоюзных профбюрократов, абсолютное непонимание того, что на данном этапе руководство экономической борьбой было тем звеном, за которое нужно ухватиться, чтобы внедриться в массы,—все это отражало опасные тенденции в недрах наших организаций. Все эти настроения отражали профсоюзный легализм, подчинение реформистским правилам и статутам, теорию единства во что бы то ни стало и т. д. Проведение этой политики означало ликвидацию Профинтерна и его организаций, и поэтому на IV Конгрессе была объявлена жестокая борьба всем этим оппортунистическим взглядам. Лозунг самостоятельного руководства экономическими боями вскрыл во всех наших организациях и в компартиях оппортунистический нарыв, и после IV Конгресса началась серьезная политическая дифференциация в рядах Профинтерна.

Дело шло не только о руководстве экономическими боями, а обо всей нашей профсоюзной тактике, более того, обо всей тактике и массовой работе компартий, ибо одновременно с этим решался вопрос об обострении борьбы против штрейкбрехерства социал-демократии и амстердамцев, о едином фронте только снизу и всей тактике «класс против класса». Поэтому и началась дифференциация в наших рядах непосредственно после конгресса Профинтерна и бешеная борьба Профинтерна против правого уклона.

IV Конгресс принял большое количество решений по многим вопросам (организационные вопросы, задачи профсоюзов колониальных стран, о борьбе против фашизма и фашистских профсоюзов и ряд резолюций; определяющих задачи сторонников Профинтерна в Германии,

Англии, Чехо-Словакии, Франции, Соединенных Штатах, Ирландии, Китае и т. д.), но стержневым вопросом, послужившим исходным пунктом для политической дифференциации в наших собственных рядах, был вопрос о самостоятельном руководстве экономическими боями, о переводе экономических боев на политические рельсы, т.-е. о переплетении экономики с политикой.

IV Конгресс был, несомненно, переломным не только для Профинтерна, но и для всех компартий, и поэтому тщательное изучение решений этого конгресса является абсолютно необходимым для каждого, кто хочет понять путь, проделанный Красным Интернационалом Профсоюзов. Если I Конгресс идейно и организационно оформил Профинтерн, II Конгресс пошел в массы с лозунгом единого фронта, III Конгресс повел атаку на реформистов под знаменем единства профдвижения, то IV Конгресс указал то звено, за которое нужно ухватиться в борьбе за большинство рабочего класса. Руководство экономической борьбой перестало быть монополией реформистов. Сторонники Профинтерна, даже в странах, где нет самостоятельных революционных профсоюзов, отныне становятся во главе экономических боев рабочего класса, направленных против тройственного согласия: предпринимателей, буржуазного государства и социал-фашизма.

XV. Профинтерн и рабочее движение колоний

Профинтерн за эти годы вышел за пределы Европы, и в этом отношении он радикально отличается от Амстердамского Интернационала, который является европейской организацией. Профинтерн вышел за пределы Европы потому, что рабочие организации колониальных и полуколониальных стран, как только они начали оформляться (а рабочее движение колоний и полукolonий возникло непосредственно после войны), сразу потянулись к Профинтерну. Да это и естественно! Что могли найти, например, китайские профсоюзы или, допустим, профсоюзы Индии, Индонезии или Латинской Америки в Амстердамском Интернационале? На что они могли там рассчитывать? На то, что Амстердамский Интернационал скажет этим профсоюзам, чтобы они не боролись за независимость колоний? Но это менее всего могло их удовлетворить. Ведь руководители Амстердамского Интернационала прежде всего заботятся о силе и крепости своего капитализма. Английские тред-юнионисты являются такими же смертельными врагами независимости Индии, как и консерваторы и либералы. Они боятся потерять колонии, они за владычество Англии над морями, за гегемонию английской буржуазии во всем мире. И поскольку Амстердамский Интернационал представляет собрание социал-империалистов разных европейских стран, людей, которые расчищают путь для империализма, то естественно, что колониальное рабочее движение не могло найти ответа на свои вопросы в Амстердамском Интернационале. Оно тянулось к Москве, понимая под Москвой и Октябрьскую революцию, и Коминтерн, и Профинтерн, т.-е. все, что борется под революционно-классовым знаменем. За это время нам удалось органически связаться с профдвижением Китая, и, несмо-

тря на то, что профдвижение Китая пережило огромнейшие трудности, несмотря на то, что оно из нелегального состояния перешло в легальное, а затем опять было загнано в подполье, несмотря на потери убитыми и замученными десятков тысяч революционных руководителей, несмотря на все это, органическая связь Профинтерна с китайским профдвижением не ослабевала. Что знал до войны европейский рабочий о Китае? Ничего. Что знало европейское рабочее движение непосредственно после войны о китайском рабочем движении? Столько же. Китайское рабочее движение связалось с мировым рабочим движением через Профинтерн и Коминтерн. В то время как международный реформизм с опаской глядел на китайскую революцию 1925—1927 гг. и вместо помощи рабочим Китая оказывал помощь международной буржуазии в удушении рабоче-крестьянского движения Китая, в это время Профинтерн помогал по мере своих сил этому боевому отряду международного пролетариата.

Нам удалось связаться с рабочим движением Ближнего Востока, с рабочим движением Индии, Латинской Америки, Австралии, и т. д. Вообще нет такой страны в мире, которая не была бы через свои большие или небольшие организации связана с Профинтерном. Правда, эта связь не всегда открытая, но это зависит от полицейских условий в каждой стране. Во всяком случае важно то, что нет ни одной старой или молодой капиталистической страны, ни одной старой или молодой колонии, где бы Профинтерн не имел своих сторонников, своих организаций. Конечно, организации эти не одинаковы: в одном случае за Профинтерном идут большие легальные организации (СССР, Франция, Япония, Соединенные Штаты, Чехо-Словакия и т. д.), в другом случае—большие нелегальные или полунелегальные организации (Китай, Италия, Бразилия, Куба), в третьем—небольшие легальные и нелегальные организации (Румыния, Греция, Югославия, Южная Африка, Уругвай, Гватемала и т. д.) или революционные меньшинства в реформистских профсоюзах (Германия, Англия, Швеция, Австрия, Норвегия и т. д.), или просто отдельные союзы (Англия, Канада и т. д.),—важно то, что все мировое профдвижение во всем разнообразии представлено в Профинтерне. Это произошло, конечно, не случайно, и собирание сил происходит не самотеком. За эти годы Профинтерн стал мировой организацией. Он стал мировой организацией благодаря своей революционной тактике, благодаря революционной линии, благодаря установке на непримиримую борьбу против реформизма, против империализма, против империалистических лакеев. Он стал мировой организацией потому, что уже I Конгресс Профинтерна вынес особое постановление о помощи рабочему движению колониальных и полуколониальных стран и что не было ни одного конгресса, ни одного пленума Профинтерна, которые не занимались бы вопросами рабочего движения в колониальных и полуколониальных странах. И совершенно естественно, что рабочее движение колониальных и полуколониальных стран связывается с тем Интернационалом, который может оказать и оказывает ему помощь и содействие, который несет на своем знамени независимость колониальных и

полуколониальных народов в отличие от Амстердамского Интернационала, который является орудием порабощения колониальных и полуколониальных стран и народов.

XVI. Национально-расовая проблема

Красный Интернационал Профсоюзов, в отличие от Амстердамского Интернационала, разрешил также и национально-расовый вопрос. Как обстояло дело с расовым вопросом в Амстердамском Интернационале? Амстердамский Интернационал всегда исходил из того, что Европа, это—пуп земли, а в Европе самое главное—две-три крупные державы—Англия, Франция, Германия. Амстердамский Интернационал всегда представлял собой,— и особенно сейчас представляет,—организацию рабочей аристократии крупнейших империалистических держав и отражал в своих недрах все противоречия европейского империализма. Французские и английский профбюрократы использовали победу Антанты для подчинения германских профсоюзов, которые еще до сих пор добиваются равноправия. Мелкие страны играют там незаметную и второстепенную роль, а по отношению к цветным народам амстердамские реформисты стояли на той же точке зрения, что и американская и французская буржуазия, которая смотрит на негров, индусов или китайцев, как на париев, предназначенных для сверхэксплоатации. Амстердамский Интернационал, презрительно и высокомерно относившийся к рабочему движению колоний, начал заниматься колониальными и полуколониальными странами, когда революционное движение начало угрожать империалистическому господству. Сейчас амстердамцы по явному поручению своей буржуазии стремятся овладеть профдвижением колониальных стран и выбить Профинтерн из завоеванных им позиций. Но эти господа поздно спохватились: теперь им влияния Профинтерна не искоренить. Это объясняется, конечно, не особыми «кознями Москвы», а правильной пролетарской политикой. Нельзя привлечь симпатии угнетенных масс лозунгом: «Слушайте империалистов и подчиняйтесь представителям белой расы!» Вопрос национальный и вопрос расовый нами был разрешен главным образом на основе связи с рабочими Китая, Индии, Южной Африки, Латинской Америки и т. д. и с другой стороны—на основе правильной линии по отношению к рабочим-неграм. Нам пришлось на протяжении 10 лет вести упорную борьбу против многих наших сторонников и некоторых членов ЦК компартии Соединенных Штатов, которые рассматривали негров, как низшую расу. Даже в коммунистической партии Соединенных Штатов долгие годы господствовало презрительное отношение к членам их же партии—неграм. Много лет коммунистическая партия Америки не могла вовлечь в свои ряды негритянских рабочих, ибо рядовые коммунисты-белые считали себя представителями высшей расы по отношению к неграм. Мы знаем в американской компартии случаи, когда коммунистическая ячейка не допускала в свой состав негров-коммунистов. Мы знаем факт, когда член партии не подавал руки члену партии-негру. Все это, к сожалению, факты. Против всего этого и пришлось бороться на протяжении всех этих лет. И мы сделали серьезный шаг в этом на-

правлении только тогда, когда Коминтерн изгнал из коммунистической партии Америки банду Ловстона, олицетворявшую в партии теорию и практику «белой расы». Нам пришлось и приходится еще вести борьбу в Южной Африке для того, чтобы добиться равноправия черных и белых рабочих в наших рядах.

Я не хочу преувеличивать и поэтому подчеркиваю, что мы расовый вопрос разрешали на конгрессах и разрешаем в повседневной работе. На практике, в жизни мы только еще **н а ч и н а е м р а з р е ш а т ь** эту проблему. Там, где живут, работают и страдают цветные рабочие, там этот вопрос еще не разрешен, и проблема расовой борьбы среди рабочих, к сожалению, еще остается. Общеизвестный факт, что белые рабочие в Китае получают в десятки раз больше китайских, которые представляют для империалистов не рабочих, а рабочий скот. Например, английский железнодорожник в Индии, в стране владычества английского империализма, является не просто железнодорожником, а представителем своего империализма, винтиком в системе угнетения огромных человеческих масс Индии.

Мы далеко еще не разрешили расового вопроса, но мы наметили правильные пути к его разрешению. Разрешить его можно только правильной политикой. Эту правильную политику мы ведем, и благодаря целому ряду специальных мер, — не только резолюций, — которые мы приняли для поднятия уровня цветного рабочего, для его организации, для вовлечения его в борьбу, мы создали предпосылки для разрешения расового вопроса также и на местах.

Самое старое рабочее движение — рабочее движение Европы. На протяжении многих десятилетий европейский рабочий привык смотреть на рабочих других стран сверху вниз. Между прочим до Октябрьской революции такое же отношение было и к русскому рабочему. Я сам помню, как в 1910 г. я был в качестве гостя на международной конференции профсоюзов, которая состоялась в Париже, и как киты тогдашнего профдвижения, как, например, Легин и др., смотрели свысока на «этого русского». Они смотрели на нас сверху вниз. Так было до Октябрьской революции. Господа реформисты пытались это делать и после Октябрьской революции, но это выходило не особенно умно. По отношению к рабочему других континентов у среднего европейского реформистского рабочего, особенно у европейского профбюрократа, имеется чрезвычайно презрительное отношение: «Что понимает в профдвижении там какой-то китаец, отсталый индус или негр? Все эти цветные рабочие в лучшем случае могут быть объектом, а не субъектом. Мы — соль земли и соль цивилизации». Вот что лежит во всей психологии, во всей установке руководителей реформистского европейского и американского профдвижения.

Мы эту традицию взорвали. За эти годы мы проделали огромную работу по объединению цветных рабочих. Благодаря нашей инициативе был создан Тихоокеанский секретариат профсоюзов, охватывающий рабочих Китая, Филиппин, Японии, Индии, Индонезии, Сингапура, часть рабочих Австралии, Тихоокеанского побережья, Северной и Южной Америки и рабочих СССР, поскольку СССР тоже является

тихоокеанской державой. По нашей инициативе была создана Латинско-Американская конфедерация профсоюзов, объединяющая рабочих 16 стран Латинской Америки, при чем она объединяет не только потомков испанцев, но также и местных рабочих-индейцев.

Многие, даже руководящие товарищи очень часто имеют смутное представление о том, что представляют другие страны за пределами Европы. Если что-либо произойдет в Бельгии, Литве, Латвии или Австрии,—это нас больше интересует, это ведь рядом, мы все это знаем. А там, где-то далеко, какая-то Бразилия, Мексика, никому неизвестный Китай, который имеет не то 300, не то 400 миллионов населения—в Китае на 100 миллионов больше или меньше не имеет значения,—все это ведь темно для нас. Многие из нас еще не изжили эту европейскую психологию. Очень часто бывает так, что если происходит стачка нескольких тысяч рабочих где-нибудь рядом, то это нас волнует, мы читаем об этом с захватывающим интересом. А вот недавно была стачка 200 тысяч рабочих на Кубе, обратил ли кто-нибудь из вас на это внимание, заинтересовались ли вы тем, какое там рабочее движение и что это выступление означает? Вряд ли. Конечно, все более или менее знают, что на Кубе имеются сахарные плантации, но какое там рабочее движение—не все профработники этим вопросом интересуются. Я убежден (как бы сказать это повежливее!), что очень многие из присутствующих здесь имеют весьма смутное представление о рабочем движении Кубы. Это признак недостаточности нашего интернационального воспитания. Мы не знаем, что делается за пределами Европы. О французах говорят, что они хорошо знают историю, но плохо географию, но этим страдают не только французы, а и многие другие.

Так вот, если взять рабочее движение, как оно есть во всем мире, то имеются огромные массы пролетариев—негры, цветные рабочие,—о которых мы имеем очень слабое представление. Трудящиеся целого ряда стран Латинской Америки в большинстве своем состоят из индейцев. Разрешение там рабочего и крестьянского вопросов связано с правильной политикой по отношению к туземцам. Мы подошли практически к этому вопросу. Благодаря нашей инициативе созданы Тихоокеанский секретариат и Латинско-Американская конфедерация Профсоюзов. Это—наши союзники, через которых мы можем оказать воздействие на новые миллионы и десятки миллионов трудящихся, которые втягиваются в борьбу против мировой буржуазии, которые втягиваются в борьбу за независимость, за Советский Союз. Мы вышли за пределы Европы не потому, что европейское рабочее движение безнадежно, как думают некоторые разочарованные реформисты, а потому, что Европа не является центром земли: промышленно-финансовая гегемония Европы отошла сейчас уже в историю, финансово-промышленным гегемоном в капиталистическом мире являются Соединенные Штаты. Капиталистическая Европа не является уже больше центром капиталистического мира, не является больше центром мирового рабочего движения; только теперь можно говорить о мировом рабочем движении, ибо Коминтерн и Профинтерн втянули в активную борьбу рабочее движение всех континентов.

XVII. Виды амстердамцев на рабочее движение колоний

На протяжении всех десяти лет нашей борьбы с Амстердамским Интернационалом амстердамцы обычно очень презрительно отзывались о рабочем движении колониальных стран, о каких-то «неизвестных» профсоюзах в Китае, о «цветном сброде» и т. д. и т. п.

Для характеристики отношения очумелых профбюрократов и социал-империалистов к цветным рабочим может служить следующий случай из практики международного реформизма. На предпоследнем съезде профсоюзов Австралии стоял вопрос о присоединении к Тихоокеанскому секретариату. Один из бюрократов выступил с речью против присоединения и заявил, что «мы не позволим цветному сброду диктовать нам условия». В Тихоокеанский секретариат входят китайцы, индусы, японцы, вообще все, кто не имеет белой кожи. На языке социал-империалистов это—«цветной сброд». На протяжении долгого времени амстердамцы относились свысока к «мифическим миллионам Профинтерна на Востоке». Но за последние 2 года мы замечаем в Амстердамском Интернационале поворот лицом к Востоку. Недавно на Дальний Восток ездил Альбер Тома. Он был в Китае и брался там с Гоминданом, посетил Японию и брался с японской буржуазией и т. д. В прошлом году в Индию было послано несколько крупных представителей английских тред-юнионов (Персель и др.). Англичане посылают теперь инструкторов и организаторов-профессионалистов в Южную Африку. В прошлом году председатель II Интернационала Вандервельде ездил в Латинскую Америку. Амстердам решил послать делегацию на Дальний Восток и в Индию, чтобы втянуть профдвижение этих отдаленных стран в лоно международного реформизма. В этом же направлении работает Международная федерация транспортников, руководители которой думают под прикрытием левых фраз проникнуть в колониальные и полуколониальные страны. Теперь эти господа начинают «признавать» Восток. Они начали его признавать с тех пор, как колониальный раб зашевелился и стал наносить удары империалистам. Китай, Индия, Индо-Китай, Индонезия, Филиппины, Мадагаскар, Гамбия, Бельгийское Конго, Западная и Южная Африка, Латинская Америка, Сирия, Египет и т. д.—все эти географические понятия ожили за последние годы. Национально-освободительное движение, в котором рабочий класс играет выдающуюся роль, больно ударило по империалистическим хозяевам; вот почему их социал-фашистские лакеи зашевелились и вдруг открыли Восток и Латинскую Америку. Но они опоздали. Если бы амстердамцы туда раньше направились, то и тогда они не могли бы рассчитывать на успех. Но невероятно, чтобы сейчас амстердамцы могли привлечь в Китае кого-нибудь, кроме желтых полицейско-гоминдановских союзов. То же самое и в отношении других колоний. Так что этот поворот Амстердамского Интернационала лицом к Востоку, попытка состязания с нами, попытка искоренить (они открыто говорили на своей последней сессии в Праге, что Профинтерн-де имеет большое влияние на Востоке) наше влияние, попытка конкурировать с нами на Востоке

заведомо осуждены на неудачу. Рабочие Востока против империализма, и поэтому они и против социал-империализма.

XVIII. Борьба за революционную линию

Прошедшие десять лет прошли не только под знаком ожесточенной борьбы против реформизма, но и в непрерывной борьбе за коммунистическую профсоюзную политику. Я уже указывал, что с первых дней Профинтерна пришлось вести борьбу против анархо-синдикализма, но этим далеко не исчерпывалась идейная борьба в недрах Профинтерна. Руководить—значит прежде всего ясно видеть соотношение сил между классами и в самом рабочем классе. Это значит давать в каждый данный момент такие указания, которые облегчали бы проникновение в массы. Все разногласия, периодически возникавшие в недрах Профинтерна, имели своим источником вопрос о неправильном подходе к массам. Правый уклон в теории и на практике означал идейную и организационную капитуляцию перед Амстердамом. В этом суть брандлеризма с его профсоюзным легализмом, единством во что бы то ни стало, непризнанием начавшегося фашистского перерождения социал-демократии, единым фронтом сверху, надеждой завоевать профсоюзный аппарат и отказом от самостоятельного руководства экономической борьбой. В этом суть и синдикалистской лиги Франции, выставившей теперь старый анархо-синдикалистский лозунг независимости и автономии профдвижения. Руководители этой лиги, явно впавшие в синдикалистское детство, думают обновить революционное профдвижение довоенными формулами. На самом деле они открыто работают на реформистскую конфедерацию труда. Мы не могли не объявить беспощадной борьбой этим социал-демократическим отрывкам, мы не могли терпеть в наших рядах людей, которые держали курс на капитуляцию Профинтерна перед Амстердамом. Но правый уклон, свивший гнездо в Германии, Чехо-Словакии и т. д. и саботировавший всю работу Профинтерна, был бы сам по себе не опасен, если бы он некоторое время не опирался на группу руководящих работников ВЦСПС, которые так же считали линию Профинтерна слишком левой. Такое положение могло стать очень опасным для Профинтерна, если бы в дело не вмешались ВКП и Коминтерн, которые ударили со всей энергией против капитулянтов, включая капитулянтов и правых из ВЦСПС. Удар по правым в ВЦСПС сразу расчистил атмосферу. Маленькие группки в Германии, Чехо-Словакии и т. д., надеявшиеся на помощь и содействие ВЦСПС, оказались на мели, новая тактика прокладывала себе дорогу вопреки противодействию правых. Преодоление — правда, не окончательное — правого уклона дало возможность развернуть в огромной степени работу Профинтерна и проникнуть глубоко в массы. Одновременно с борьбой против правой опасности и капитулянтства приходилось вести борьбу и с левыми загибами и уклонами, которые обычно выражались в неумелом подходе к массовым организациям и неумении систематически и планомерно проводить элементарные основы нашей политики— работать везде, где есть рабочие массы.

Если перебрать одну страну за другой и посмотреть, что случилось за эти десять лет с руководящими кадрами первого периода, мы увидим, что много людей вышло за это время в тираж. Руководящий персонал в профсоюзных организациях—и в компартиях—быстро политически изнашивали, ибо многие из руководителей мыслили революционную борьбу, как начищенный воск на паркете. Они не понимали, что наша тактика меняется и должна меняться в зависимости от обстановки, что только в геометрии кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая линия и что в политике это геометрическое правило может завести массы в тупик. Борьба за революционную линию—это означало борьбу за проникновение большевистских методов и способов подхода к массам во все примыкающие к Профинтерну организации. Само собой разумеется, что приходилось ломать сопротивление и освобождать наши рабочие организации от оппортунистического баласта.

ХІХ. Соотношение сил Профинтерна и Амстердамского Интернационала

В 1920 г. Амстердамский Интернационал объединял 24 миллиона рабочих; в 1930 г. в Амстердамском Интернационале имеется около 13 миллионов рабочих. Это очень внушительная сумма, хотя в эти 13 миллионов входят также и те рабочие, которые находятся внутри амстердамских профсоюзов, но проводят нашу тактику (революционная профопозиция в Германии, Англии, Австрии и т. д., которая, находясь внутри профсоюзов, числится, конечно, за Амстердамским Интернационалом). Профинтерн считает задачу отвоения большинства рабочих, идущих за Амстердамским Интернационалом, далеко еще не разрешенной.

При своем возникновении Профинтерн имел примерно около 7 миллионов человек. Сейчас Профинтерн, включая, конечно, и советские профсоюзы, имеет около 17 миллионов. Но эта статистика сама по себе не дает нам точного представления о соотношении сил. Мы должны поставить перед собой вопрос о том, каково политическое влияние обоих интернационалов.

Я уже говорил, что из 22 организаций Амстердамского Интернационала 19 находятся в Европе и только 3—вне Европы. Организации Профинтерна находятся во всех странах, на всех континентах. Это—первое. Второе—какова тенденция развития? Это является решающим. Тенденция развития и факты говорят вот о чем. В последние годы мы видим дальнейшую эволюцию руководителей Амстердамского Интернационала и его секций по линии фашизации. VI Конгресс Коминтерна уже в 1928 году отметил эволюцию партий II Интернационала в смысле превращения их в социал-фашистские партии. Что значит социал-фашизм? Что мы разумеем под этим? Под этим мы разумеем превращение партии II Интернационала в такие партии, которые не только расчищают путь для фашизма, но которые в своих методах разгрома и подавления рабочего движения мало чем отличаются от фаши-

стов (достаточно привести пример Германии, Польши и т. д.). Чтобы понять, что такое социал-фашизм, надо отдать себе отчет, в чем суть фашизма. Нельзя определить фашизм только как реакцию: это будет недостаточное определение. Всякий фашизм—реакция, но не всякая реакция—фашизм. Фашизм, это есть такая система господства буржуазии в период войн и революций, при которой она рядом с методами насилия пытается создать путем демагогии и обмана опорные пункты среди трудящихся масс для того, чтобы дезорганизовать рабочие массы изнутри. Чем занимается сейчас германская социал-демократия или французская профбюрократия? От политического штрейкбрехерства они перешли к штрейкбрехерству экономическому. Нет такой экономической забастовки, которая не была бы сорвана профбюрократами. Можно привести сотни примеров, но остановлюсь на одном. Сегодня из Дании получена телеграмма следующего содержания: «Реформистский профсоюз сорвал продолжающуюся 3 недели забастовку 3.000 рабочих металлопромышленности в Копенгагене. При голосовании по вопросу о продолжении забастовки 2.275 голосов было подано против прекращения забастовки, а 162 голоса за прекращение, а союз объявил забастовку прекращенной». Вот вам реформистская политика: 2.275—против прекращения, 162—за, а союз объявляет забастовку прекращенной и ведет переговоры за спиной рабочих! Я мог бы привести массу аналогичных примеров, свидетельствующих о том, что реформистские профсоюзы превратились в агентуру буржуазии для срыва не только политической, но и экономической борьбы. Они выполняют социальный заказ буржуазии, делая то же, что делают обычно фашистские организации. Если прибавить к этому прямое ухудшение социального законодательства при помощи социал-демократии, разгром через специальные дружины революционных рабочих организаций, расстрел рабочих демонстраций, упорные попытки профбюрократии оздоровить капитализм за счет рабочих, то получится полная картина нынешнего состояния Второго и Амстердамского Интернационалов. Такова линия развития реформистских профсоюзов. А развитие этой штрейкбрехерской тактики ведет к отходу от них рабочих масс. Это неизбежно.

Можно установить такой закон: там, где побеждает реакция, где побеждает фашизм, там силы Профинтерна временно слабеют, а силы амстердамцев возрастают. И наоборот, там, где имеется подъем, там отбрасываются в сторону традиции реформизма, слабеет Амстердам и растут силы Коминтерна и Профинтерна, иначе говоря, победа реакции ведет к росту Амстердама, а назревание революции ведет к росту Профинтерна. Весь вопрос, стало-быть, в том, каковы перспективы международного рабочего движения и международной классовой борьбы. Если бы общий кризис капитализма был изжит, как об этом мечтали социал-демократы, если бы не развертывался во всем мире сейчас экономический кризис и не наслаивался бы на общий кризис капитализма, если бы стабилизация капитализма, наконец, непрерывно возрастала, тогда, конечно, силы Амстердамского Интернационала тоже могли бы расти. Но в том-то и дело, что объективная обстановка развивается

совершенно в другом направлении. Классовая борьба развертывается. Почва из-под Амстердамского Интернационала ускользает, нарастают классовые бои в старых капиталистических странах, идет в гору подъем революционного движения в колониях и рядом с этим огромный подъем социалистического строительства в Советской стране. Все это сливается вместе в один поток, образуется огромная сила, ослабляющая капиталистическую стабилизацию, подрывающая основы, на которых могло бы закрепиться благоденствие Амстердамского Интернационала. Линия развития Амстердамского Интернационала идет вниз, ибо мировая обстановка показывает революционную бурю. А поскольку она показывает революционную бурю,—постольку линия развития Профинтерна идет и будет идти вверх.

XX. Школа коммунизма и школа капитализма

Мы привыкли называть профсоюз школой коммунизма. Что же представляет собою реформистский профсоюз? Тоже школу коммунизма? Нет, школу капитализма. И мы имеем сейчас профсоюзы — школы капитализма, и профсоюзы — школы коммунизма. Это надо видеть и понимать.

Основная задача заключается в том, чтобы вырвать рабочих из-под влияния профсоюзных агентов капитала. В этом суть профсоюзной политики Коминтерна и Профинтерна. Для этого коммунисты работают внутри профсоюзов, вне профсоюзов, объединяют неорганизованных и организованных в одну колонну в целях борьбы против капитала и его реформистских лакеев.

Борьба за массы, это — трудная борьба. На стороне реформизма исторические традиции, десятки лет привычки, привязанности к определенным организациям. Вся культура буржуазного общества направлена на то, чтобы внедрять в сознание рабочих понятие об устойчивости и незыблемости капиталистического мира. Все силы буржуазии — духовные и материальные — направлены на то, чтобы подорвать влияние Профинтерна и Коминтерна в массах. Там, где этого нельзя сделать «нормальными» буржуазно-демократическими методами обмана, там это делается полицейским террором. Все сейчас направлено против Коминтерна и Профинтерна. Но тем не менее влияние Коминтерна и Профинтерна растет.

Наше влияние растет не только потому, что мы держим правильный курс в смысле борьбы против Амстердамского и Второго Интернационалов, но в огромной степени и потому, что на протяжении 10 лет нашего существования мы научились вести борьбу против уклонов в нашей собственной среде, против оппортунистических уклонов, против синдикалистских уклонов, против левых фраз, против оппортунизма во всех его проявлениях — всюду, как бы и где бы он ни проявлялся, даже в профсоюзах пролетарского государства. Нам пришлось вести борьбу не только против правых в Германии, Чехо-Словакии, но и против правых, которые стояли во главе ВЦСПС, которые пытались тащить Профинтерн назад, вместо того чтобы помогать ему двигаться вперед.

Оппортунистов в руководстве ВЦСПС больше нет, они сняты со своих постов. Кстати сказать, более безболезненно, чем в других странах. Это объясняется, конечно, не особыми свойствами «русской природы», а тем, что у нас в СССР имеется мощная коммунистическая партия, а чем сильнее партия, чем больше она большевистски выдержана, тем быстрее и безболезненнее протекает ликвидация оппортунистических уклонов. Профинтерн не мог бы расти, не мог бы выйти за пределы небольших групп, не мог бы охватить громадные массы, не мог бы перетянуть на свою сторону огромные пласты трудящихся колониальных и полуколониальных стран, если бы на протяжении своего десятилетнего существования он не проводил бы правильной коммунистической политики, не вел бы ожесточенной борьбы против оппортунизма как в теории, так и на практике. Именно поэтому мы можем назвать Профинтерн и его секции школой коммунизма.

XXI. Профинтерн и СССР

Огромную роль в развитии Профинтерна и мирового революционного профдвижения играет непрерывный рост СССР. Профинтерн связан со страной пролетарской диктатуры не только местом своего рождения и не только тем, что на территории СССР находится сильнейшая его секция, а главным образом тем, что социалистическое строительство подрывает капиталистическую стабилизацию, увеличивает неустойчивость капиталистических отношений и революционизирует мировое рабочее движение. Рабочее движение всего мира следит с неослабным интересом за СССР, ибо отдает себе отчет в том, что сегодняшний СССР есть их завтрашний день. Рабочие, которым на протяжении многих лет твердили, что социализм — нездоровая утопия, что Октябрьская революция — авантюра, что диктатура пролетариата — фарс, что население СССР поголовно умирает с голоду, что вся экономическая жизнь приостановилась из-за упразднения частной собственности на землю, на средства производства и обмена, — эти рабочие убеждаются с каждым днем все более и более, что СССР не только вышел из трудностей, но быстро шагает вперед. Сколько бы социал-демократия ни клеветала на СССР, нельзя доказать рабочим, что рост СССР означает падение и развал его экономики, это тем более трудно сделать, что рядовой рабочий сравнивает успехи своих «рабочих» правительств с рабоче-крестьянским правительством СССР. Он не может не ставить себе вопроса: почему «процветание» в моей стране связано с удлинением рабочего дня до 9 и 10 часов, а «хронический кризис» в СССР связан с сокращением рабочего дня до 7 часов и почему жизненный уровень рабочих капиталистических стран непрерывно понижается, а жизненный уровень рабочих СССР непрерывно поднимается? Все это пересворачивает старые понятия и представления, все это поднимает и революционизирует все новые и новые пласты рабочих, которые, повернувшись лицом к СССР, отворачиваются от Второго и Амстердамского Интернационалов, а это означает и поворот в сторону Профинтерна. Не случайно международ-

ный реформизм все время связывает Коминтерн и Профинтерн с Советским государством; наши враги хотят доказать наличие формальной связи, подчинение Профинтерна московскому правительству и пр. Все это, разумеется, — вздор и демагогия, но глубочайшая солидарность Профинтерна с Октябрьской революцией и ее творцом — рабочим классом, поддержка Советской России в ее борьбе против мирового империализма, это есть налицо, да иначе и быть не могло бы. Всемирная безоговорочная поддержка социалистического строительства со стороны Профинтерна и его секций, это было, есть и будет. Все это вытекает не из «подчинения» Коминтерна и Профинтерна Совнаркому, как это рисуют английские консерваторы, германские социал-фашисты, крупные и мелкие мародеры из французской и американской полиции, — это объясняется гораздо проще и серьезнее: СССР есть живой огромный кусок мировой революции, и поэтому все рабочие организации, которые ставят перед собой задачу подготовить массы к боям за диктатуру пролетариата, не могут не поддерживать СССР. Это тем более естественно, что советские профсоюзы, активно участвующие в реконструкции промышленности и сельского хозяйства на социалистических началах, являются сильнейшей секцией Профинтерна, которая помогает другим и имеет право рассчитывать на помощь и содействие рабочих капиталистических и колониальных стран.

Судьбы Профинтерна тесно связаны с судьбами СССР, так же, как они связаны с судьбой китайской революции и судьбами профдвижения и революции в Индии. Отношение Профинтерна к СССР определяется глубочайшей нашей уверенностью, что дело СССР есть дело всего международного пролетариата. Из этого Профинтерн на протяжении всех десяти лет делал политические и тактические выводы.

XXII. Борьба против империалистической войны

Это отношение к СССР поставило перед всем мировым революционным профдвижением проблему защиты СССР, проблему борьбы против империалистической войны. «Последняя» мировая война привела к новому соперничеству, к бешеной гонке вооружений и к лихорадочной подготовке новой войны. Боязнь социалистического роста СССР и дальнейшего «заражения» рабочих, еще находящихся под влиянием верноподданных социал-демократов, идеями коммунизма толкает руководящие круги международной буржуазии к авантюрам. Обостренная антисоветская кампания, к которой привлечены все силы реакции, закулисные махинации генеральных штабов ряда соседних стран, — все это делает обстановку все более и более насыщенной угрозой войны. Профинтерн всегда помнил указание Ленина, что борьба против войны только кажется легким делом, а на самом деле здесь нужны особое упорство и выдержка.

Профинтерн никогда не занимался антивоенной декламацией, а всегда разъяснял всем своим секциям, как бороться против войны. Главное заключается в том, чтобы сделать борьбу против войны не

парадным выступлением, а органической частью всей повседневной борьбы. Нельзя откладывать борьбу до самой войны, — это означало бы крах всех наших организаций и самого Профинтерна. Борьба против войны означает прежде всего бороться против своей буржуазии, разоблачать ее преступную деятельность, бороться против лозунга защиты буржуазного отечества и готовить массы к превращению империалистической войны в войну гражданскую. Кто не делает этой элементарной повседневной работы, кто отрывает борьбу против войны от классовой борьбы против своей буржуазии, тот занимается пацифистской болтовней. Эту свою установку Профинтерн излагал неоднократно на своих съездах, во время международного конгресса мира в Гааге, оккупации Рура, интервенции в Китае, войны в Марокко и Сирии, захвата К.-В. ж. д. и бесчисленных провокаций по адресу СССР. Профинтерн всегда требовал от своих организаций серьезного и вдумчивого отношения к борьбе против войны, исходя из того, что вокруг этого вопроса накопилось много пацифистского шлама, анархистской болтовни и реформистского лицемерия. «Кто хочет мира — веди классовую войну» — таков лозунг Профинтерна, лозунг, который он внедряет в сознание масс на протяжении всех лет своего существования.

Значит ли это, что в вопросе о борьбе против войны у нас все благополучно? Ни в коем случае. Работа в армии поставлена более или менее только во Франции, а в других странах этот вопрос находится пока что еще на задворках. Между тем тучи сгущаются, и война может вспыхнуть совершенно неожиданно, и в этом случае часть наших товарищей может быть захвачена врасплох. Именно из этого исходит Профинтерн, ставя на V Конгрессе вопрос о борьбе против империалистической войны. Социал-фашисты и правые любят обвинять нас в преувеличении военной опасности, они утверждают, что Коминтерн и Профинтерн намеренно «нервируют» рабочие массы, чтобы этим путем «выполнить заказ» советского правительства. Каков смысл этого систематического отрицания опасности войны? Смысл этот простой: надо усыпить бдительность масс, надо отвлечь внимание масс от реальной опасности к мнимым «московским козням», надо спутать карты, замутить воду, чтобы генеральные штабы могли спокойно готовить нападение на СССР. Этот социальный заказ международной буржуазии социал-фашизм выполняет с величайшей энергией и последовательностью.

Готовить массы к серьезной борьбе против империалистической войны, это значит готовить их к гражданской войне. Кто хочет увильнуть от этого вопроса, тот ничего общего не имеет с тактикой Коминтерна и Профинтерна. Удастся ли предотвратить войну? Это сказать трудно, но что можно уже сейчас сказать, это — следующее: новая империалистическая война означает ряд новых октябрьских революций. Боязнь революции сильно охлаждает пыл многих вояк, ибо эти господа боятся и подумать, чем новая война кончится. Борьба против войны является, как и прежде, важнейшей задачей Профинтерна и его секций.

XXIII. Проблема кадров

Одним из труднейших вопросов для революционного профдвижения на протяжении всего десятилетия была проблема кадров. Трудность заключалась в том, что организации, примкнувшие к Профинтерну, приходили со своими исторически сложившимися кадрами. Часто во главе наших организаций оказывались люди другой эпохи (Гайс, Вальхер и т. д.), люди, которые пытались приспособляться к революционной тактике, но у них ничего не выходило или, правильнее сказать, выходило, но... по-социал-демократически. Кадры не создаются в 1—2 года, для этого нужны долгие годы борьбы, и вся задача заключалась в том, чтобы черпать новые молодые силы в предприятиях. В вопросе о кадрах амстердамцы находились и находятся в значительно лучшем положении, чем Профинтерн. Подавляющее большинство старых профработников на стороне Амстердама. У них огромный профсоюзный опыт, специальные знания в области тарифов и пр., и здесь сторонники Профинтерна могут кое-чему поучиться у этих профбюрократов. В то время как старые кадры в подавляющем большинстве у наших врагов, наши новые кадры медленно усваивают коммунистическую профсоюзную работу: они ударяются или в чистый профессионализм или только в политику, а между тем разрыв здесь в высшей степени вреден. Нам нужны умелые профработники, знатоки всех бытовых вопросов, волнующих рабочих, люди, знающие, как составить и как отстаивать колдоговор, люди, которые умеют руководить забастовочным движением и знают искусство перевода экономических боев на высшую политическую ступень. Самое главное — умение сочетать экономические бои с политическими и вести массы от частных требований к требованиям общеклассовым. Такие кадры нельзя искусственно, ораторским путем создать: их можно воспитать в боях. Весь вопрос сводится к умелому отбору, к выявлению лучших, боевых и инициативных элементов в каждом движении, но как раз в этом отношении у нас, несмотря на приближающееся десятилетие, дело обстоит в высшей степени неудовлетворительно. Профинтерн и ВЦСПС приступили к постройке международной школы профдвижения, но это только капля в море, тем более, что эта школа не может и не должна заменить школу жизни, школу непосредственных боев. Это вопрос настолько важный, что он поставлен особым пунктом порядка дня на V Конгрессе Профинтерна. Это вопрос, который требует сейчас и будет требовать в ближайшие годы крайнего пристального внимания со стороны Профинтерна, ибо это один из тех вопросов, которые нельзя было разрешить в первые десять лет.

XXIV. Массовая политическая забастовка и борьба за власть

Революционные профсоюзы тем отличаются от реформистских, что ставят перед собой задачу низвержения капитализма, а не оздоровления его. Но для этого необходимо создать армию, ее обучить и дви-

нуть в благоприятный момент в бой. Мы поэтому и называем революционные профсоюзы школой коммунизма, что они выковыривают солидарность рабочих и готовят массы к боям. Как готовить? Какими путями идти? — Вот вопрос. Я уже указывал, что Профинтерн поставил важнейшей задачей своих организаций возглавление экономических боев и руководство ими. Но Профинтерн сказал не только это, он сказал, что самое главное — сочетание экономических боев с политическими и перевод экономической борьбы на высшую ступень. Это значит, что при благоприятной обстановке необходимо расширить плацдарм борьбы, втянуть в бой резервы и выставить политические требования, т.-е. превратить экономическую забастовку в массовую политическую стачку. Но надо себе отдать отчет в том, что массовая политическая забастовка не цель: от одной забастовки стены капитализма не падут. Массовая политическая забастовка имеет своей задачей дезорганизовать силы буржуазного государства и предпринимателей и в случае благоприятной обстановки сделать дальнейший шаг. Какой? Вооруженное восстание, борьба за власть и установление диктатуры пролетариата. Все это более чем ясно для революционных профсоюзов, и это в основном сказано в решениях Профинтерна.

Само собой разумеется, что Профинтерн никогда не представлял себе дела таким образом, что профсоюзы будут руководить вооруженным восстанием, доведут его до конца и установят диктатуру пролетариата. Нет. Профинтерн всегда подчеркивал руководящую роль Коминтерна и компартий не только в борьбе за власть, но и в повседневной борьбе рабочего класса. Все это ясно. Для нас важно установить отношение Профинтерна к борьбе за власть и к диктатуре пролетариата, а в этом отношении вопрос разрешен уже с I Конгресса. Никакого нейтрализма, никакой независимости, никаких анархо-синдикалистских теорий, а последовательная коммунистическая профсоюзная политика. В этой ясности и определенности целей и задач, в переплетении экономических боев с политическими, в отказе от метафизической всеобщей стачки-освободительницы, заменяющей вооруженное восстание, в трезвом сочетании борьбы за повседневные требования с борьбой за конечные цели, в подготовке восстания миллионной армии труда для дела социальной революции — в этом историческое значение десятилетней борьбы Профинтерна.

XXV. Слабости и недостатки Профинтерна

Мой юбилейный доклад не был бы полон, если бы я не остановился на наших слабостях и недостатках. В чем основная слабость? В диспропорции между политическим влиянием и организационным закреплением этого влияния. Эти ножницы существуют и теперь после десяти лет нашего существования. В чем причина этого отставания? Почему этот вопрос, поднимавшийся на всех конгрессах, до сих пор не решен. На пути разрешения этого вопроса стояла масса препятствий. Перечислим важнейшие: постоянные преследования революционных рабочих, изгнание их из предприятий, аресты, убийства, закрытие

революционных организаций и революционной прессы и нехватка кадров. Среди всех перечисленных причин последняя, несомненно, самая серьезная. И тем не менее все эти причины не объясняют на все 100% наличия ножиц. Есть еще ряд причин: это — неумение использовать все возможности, неумение в каждый данный момент найти соответствующую форму для организации своих сил, быстро перестроиться после неудач, использовать малейший успех для расширения и укрепления своих позиций и, наконец, неумение всегда, при всяких условиях, не терять связи с массами. Все эти недостатки можно встретить в разном сочетании в наших организациях. Можно сказать, что Профинтерн с первого дня своего рождения обратил внимание на эти слабости. Много за это время было сделано в смысле перестройки наших рядов, форм и методов работы, но все же ножицы остались, и предстоит проделать огромную работу, чтобы организационная работа шла в ногу с политической и, наоборот, чтобы политика не отставала от организационной работы. Несмотря на эти слабости и недостатки, мы все-таки можем встретить с большим удовлетворением итоги десятилетия Профинтерна. Из отдельных разнородных кирпичей, несмотря на величайшие трудности, построено огромное, крепко склоченное в ожесточенной борьбе против буржуазии и социал-фашизма здание мирового революционного профдвижения.

В схватках с врагом, в боях росла и крепла мировая организация революционного профдвижения. Профинтерн не стоял на месте, а рос вместе с движением. В этом вся суть.

XXVI. Борьба за большинство рабочего класса

Если бы мы хотели выразить в одной фразе всю линию работы Профинтерна за все годы его существования, то это можно было бы сформулировать следующим образом: вся работа Профинтерна проходила под знаком борьбы за массы. Под этим углом зрения надо подходить ко всем тактическим лозунгам, ко всем решениям конгрессов, ко всем постановлениям и ко всей повседневной работе руководящих органов Профинтерна. Борьба за массы ведется нами во всем мире, везде, где имеются рабочие. Эта борьба носит крайне ожесточенный характер, ибо буржуазия не хочет выпускать из-под своего влияния тех рабочих, которые находятся под ее руководством. Рабочая масса подвергается упорной и систематической обработке со всех сторон. Все буржуазные партии, церковь, фашизм и социал-фашизм претендуют на укрепление и расширение своего влияния на трудящиеся массы. Нам приходится вести войну изо дня в день за каждого рабочего. Надо иметь в виду, что и буржуазия и социал-фашизм пускают в ход все силы государства, чтобы удержать за собою массы. Борьба становится все более и более острой по мере ухудшения положения рабочего класса и роста недовольства в массах. Коминтерн и Профинтерн сделали за эти годы значительные успехи, но не надо забывать, что еще десятки миллионов пролетариев находятся под влиянием буржуазных партий и социал-фашизма. Достаточно взять Соединенные Штаты, Германию

и Англию, где миллионы рабочих голосуют не только за социал-фашистов, но и за республиканцев, консерваторов и т. д.

Как оторвать массы от буржуазного государства? Как поднять их против буржуазных и социал-фашистских партий? Как вырвать их из-под влияния коррумпированной профбюрократии? — Вот над чем работал все эти годы Профинтерн. Каковы же результаты? К концу империалистической войны социал-демократия за немногими исключениями (Россия, Польша и т. д.) почти монопольно владела умами рабочих. Теперь монополии реформистов в профдвижении положен конец. Социал-демократия перестала быть партией монополистской, ибо Коминтерн и Профинтерн проникли глубоко в массы. Как глубоко? Для ответа на этот вопрос необходимо взять страну за страной, и тогда можно будет определить соотношение сил между Профинтерном и Амстердамом. Реформизм перестал быть монополистом, но это не значит, что он уже потерял свое влияние. Далеко еще нет. В ряде стран социал-фашизм имеет еще значительное влияние среди рабочих, и поэтому борьба за массы далеко еще не закончена. Но если десять лет тому назад мы должны были только пробиваться к массам, то теперь огромные массы идут уже за Коминтерном и Профинтерном, и сейчас практически поставлен вопрос о завоевании большинства рабочего класса. Завоевание большинства рабочего класса — таков лозунг, под которым проходит подготовка к V Конгрессу; под этим лозунгом проходит также и празднование десятилетия Профинтерна. Каковы бы ни были трудности, как бы ни был силен еще враг, Профинтерн неудержимо расширяет свое влияние на массы. Это вынуждены признать даже наши враги. Но мы совершили бы большую ошибку, если бы переоценили наши успехи и не видели бы лежащих перед нами огромных трудностей. Не закрывать глаза на трудности, не преувеличивать их, трезво оценивать положение, помнить, что враг вооружен до зубов и неустанно и систематически работает над укреплением и расширением своих позиций в предприятиях и разрушением позиций противника — таков тот путь, по которому шел, идет и будет идти Профинтерн.

XXVII. Будущее за Профинтерном

Десятилетие Профинтерна совпадает с V Конгрессом, который откроется 15 июля 1930 г. Он откроется ровно через десять лет после того, как были заложены основы Красного Интернационала Профсоюзов. Многие из тех, которые подписали с нами пакт о создании Профинтерна, находятся по ту сторону баррикады, многие из тех, которые были с нами в первые годы, совсем исчезли с политического горизонта, но революционное профдвижение растет, организация, которая была основана 15 июля 1920 г., живет и развивается. Из агитационно-пропагандистского центра она превратилась в мировое объединение профсоюзов. Много трудностей лежало на пути развития Красного Интернационала Профсоюзов, много трудностей предстоит еще ему преодолеть, но наиболее тяжелый путь уже пройден. Ближайшие годы открывают перед нами огромнейшие и благоприятные перспективы, ибо рабо-

чее движение находится сейчас на подъеме. Мировой экономический кризис обостряется, он затронул и твердою нынешнего капитализма— Соединенные Штаты; в колониальных странах, в особенности в Китае, в Индии, быстро растет рабоче-крестьянское революционное движение; огромные колониальные резервы, новые человеческие массивы поднимаются параллельно с нарастанием революционного движения в старых капиталистических странах. Разрыва между движением в капиталистических странах и в колониальных странах, который сыграл отрицательную роль в период 1919—20 гг., сейчас нет. Эту картину необходимо дополнить огромным ростом СССР, быстрым проведением в жизнь нашей пятилетки. Соединение этих трех могучих колонн — социалистического строительства СССР, подъема в рабочем движении капиталистических стран и подтягивания огромных рабоче-крестьянских резервов колониальных стран — открывает перед нами блестящие перспективы в смысле бурного роста Красного Интернационала Профсоюзов. И я глубоко убежден, что в ближайшие несколько лет мы окончательно разгромим желтый Амстердамский Интернационал и желтые профсоюзы и создадим единый боевой Красный Интернационал Профсоюзов, который охватит профдвижение во всем мире и поведет его под руководством Коминтерна к завоеванию большинства рабочего класса, к низвержению власти капитала и к установлению диктатуры пролетариата.

Мена 12 кон.